

ПРОБУДИ МЕНЯ

Вероника Якжина

16+

Вероника Петровна Якжина

Пробуди меня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66691358

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-92591-5

Аннотация

Грейс живёт на военной базе в горах Вайоминга. Её муж-военный пропал без вести. Её дочь на другом конце страны – в Алабаме. А между ними – мир, в котором правят ожившие мертвецы. Однажды Грейс попадает в переделку и оказывается в плену у бандитов. Её спасает незнакомец. Познакомившись поближе, они понимают, что на дух друг друга не переносят. Однако в то же время Тайлер – единственный, кто может проводить её к дочери. Можно ли довериться странному незнакомцу? Где муж, и что будет, если он появится на базе сразу после того, как Грейс отправится в путь?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	59
Глава 4	101
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Вероника Якжина

Пробуди меня

Глава 1

Все повторяется снова. Длинный темный коридор, в конце которого стоит моя дочь. Она крепко сжимает своего плюшевого кота и спокойно зовет меня. Я бегу к ней, бегу часы и целые годы, но не могу приблизиться и на дюйм. Ноги налиты свинцом, дыхание болью отдается в груди, но она лишь отдаляется. Я спотыкаюсь, падаю и из последних сил кричу ее имя.

– Мамочка, ты должна встать. Приходи скорее.
Аманда улыбается мне и исчезает за углом.

– Грейс. Грейс, проснись.

Резко открываю глаза и смотрю на водителя, что треплет меня за плечо, выдергивая из очередного кошмара.

– Уже приехали?

Ник кивает.

– Приехали. Взгляни на новенького.

Выбираясь из военного «хаммера», натягиваю ветровку и смотрю на парня, для которого сегодняшняя вылазка – пер-

вое боевое задание. Ему всего двадцать, мнит себя крутым и бесстрашным. Вот только чтобы выжить, он должен бояться. Обращаю внимание на его экипировку и понимаю, что имел в виду Ник.

– Трой, это что за хрень? – указываю на его оружие.

– М-16. Красотка, правда? – Он позирует, демонстрируя мощную винтовку.

Стараюсь сохранять спокойствие.

– Тебе правда нравится косить под идиота, или это твое истинное лицо?

Ник и еще двое ребят фыркают от смеха.

– Картер разрешил ее взять, – Трой оправдывается, как ребенок, который съел весь шоколад в доме за один при-сест. – Он сказал, что на первом задании я должен чувствовать себя уверенно.

– Картер разрешил?

– Да.

– Давай разберемся. Картер разрешил тебе взять это с собой. Ты взял, показал всем нам, как отлично вы смотрите в паре с этой красавицей. А теперь будь добр, положи ее в машину и возьми нож или топор.

– Но Картер...

– Картера здесь нет, – обрываю я. – Зато есть я и еще трое ребят, которых ты погубишь, стоит первому трупачу появиться в зоне видимости. Эту штуку слышно на километры. А наш козырь – тишина. Давай обойдемся без конфликта.

Моя вина, что я не проверила твою подготовку.

Трой дуется. Будь моя воля, вообще не взяла бы его в команду.

— Или ты сию секунду исполняешь приказ командира, или я оставляю тебя куковать в машине. Но в таком случае на работу в отряде можешь не рассчитывать.

Сорвавшись с места, новичок в сердцах швыряет винтовку на заднее сиденье и изо всех сил хлопает дверью. Звук раскатывается по улице, отражаясь от стен близстоящих домов. Сделав глубокий вдох и задержав дыхание, перевожу взгляд на Ника. Он подает знак «спокойно». Медленно выдыхаю.

— Разделяемся. Ник, ты со мной, осмотрим магазины справа. Трой, пойдешь в паре с Карлом, на вас левая сторона улицы. Нэвилл, выбери себе крышу по душе, будешь нашими глазами. Подай знак сверху, выдвигаемся сразу после твоего сигнала.

Молча наблюдаем, как Нэвилл исчезает в здании. Каждая секунда полнится напряжением.

— Я думал, за полгода вы все вычистили. Неужели мертвецы еще остались?

— Когда все умерли и воскресли, оказалось, что город не такой уж маленький. Сложно сказать, сколько их здесь еще бродит. К тому же, они мигрируют. Бродят себе туда-сюда.

— Нэвилл на позиции.

— Берем только то, что действительно необходимо. Кон-

сервы, батарейки, свечи, фонари, медикаменты. Одежда из тонкой ткани пойдет на перевязки. Можно по одному сувениру для себя. Кто найдет кофе, тому подарю свой плеер.

Разбегаемся по разным сторонам улицы. Ник прикрывает мою спину. Один из немногих, на кого я могу положиться во время вылазки. Зайдя в темный магазин, достаю армейский нож и стучу по прилавку. Если здесь кто-то есть, он непременно выйдет на звук. Что-то вроде «дзынь-дзынь, доставка свежего мяса». Спустя несколько бесконечных мгновений из подсобки раздается неторопливое шарканье. Перехватив нож удобнее, подхожу к двери и тяну ручку на себя.

Вот и он. Бывший владелец магазина. Или покупатель. Или просто кто-то, кто искал здесь убежища, а нашел свою смерть. А после обрел вторую жизнь. Иссошенные почерневшие руки тянутся ко мне. Рот с половиной зубов приоткрывается в надежде откусить кусочек или два. Белые слепые глаза видят не меня, а большой сочный окорок.

– Грейс, чего ждешь? – шипит Ник.

Страхнув оцепенение, наношу короткий, но четкий удар в голову. Широкое лезвие с мягким влажным хрустом входит в гнилую плоть, уничтожая остатки мозга. Руки мертвеца опускаются, незадачливый охотник тяжело оседает.

– Ты в порядке?

– Да. Просто задумалась. – Вытягиваю нож из головы человека, который теперь мертв окончательно, – черт, никогда не привыкну к этому звуку.

Вытираю оружие о штанину своей жертвы.

– Грузишься из-за Троя? Он лишь пацан. Конечно, ему хочется выглядеть круто.

– Мне не жалко. Но не ценой наших жизней. И перед кем тут красоваться? Мертвым ребятам важно лишь, каков он на вкус. А мы и так знаем, что он слюнтяй. Картеру просто нравится меня бесить.

Напарник усмехается.

– Он считает, что так ты отвлекаешься от грустных дум.

– Давай за работу. Кучу времени потеряли.

Через пару часов и полтора десятка восставших мертвецов, мы забиваем «хаммер» до отказа.

Вчетвером ждем, пока Нэвилл спустится к нам.

– Эй, Грейс, у нас гости.

Перевожу взгляд туда, куда указывает Карл. Из кустов на нас бредет мертвая девушка.

– Можно мне? – Трой нетерпеливо сжимает рукоять топора.

Бросив на него оценивающий взгляд, киваю. В конце концов, ему действительно нужно учиться. Ник на всякий случай достает из кобуры «Беретту» с глушителем.

Новичок вальяжно подходит к цели. Я скрещиваю на груди руки, наблюдая за каждым его движением. Уже жалею, что разрешила.

– Эй ты, дохлячка, – Трой вытягивает руку, держащую топор, и толкает девушку в грудь, – хочешь меня съесть? А это

ты видела?

Он показывает средний палец, зомби разевает рот и тянется к нему, на что Трой обухом топора бьет ее по разорванному лицу.

Нэвилл уже успел спуститься и сейчас осуждающе цокает языком у меня за спиной. Ему не нравится, когда издеваются над мертвыми. Пусть и ожившими.

– Трой, прекращай!

– Все под контролем, командир! – оборачивается к нам, отчего мое сердце пропускает удар.

Снова повернувшись к девушке, он заносит топор для удара, но поздно. Мертвые пальцы сжимаются на предплечье проклятого выпендренника. От ужаса он верещит, как девочка, и роняет оружие. Свободной рукой упирается в лоб мертвеца, не давая укусить.

– Ник, стреляй!

– Не могу, этот идиот загораживает.

– Вашу мать!

В два прыжка оказываюсь за спиной безумной фанатки новичка. Нож уже блестит в руке, вгоняю его в полуразжившийся затылок по самую рукоять. По запястью стекает черная зловонная жижа, отчего желудок противно сжимается в комок.

– Я бы и сам справился, – цедит Трой, отцепляя деревянные пальцы от своего предплечья.

И вот тут меня срывает.

– Ты, пустоголовый сопляк!

Я толкаю его, что есть сил, ему едва удастся удержаться на ногах.

– Какого черта ты творишь!

– Грейс, перестань!

Левая рука сама вылетает вперед и врезается в челюсть новобранца. От такого удара его разворачивает на сто восемьдесят градусов, и он падает на асфальт. Помимо звука падения раздается звон битого стекла. Я замираю.

– Это еще что?

Карл помогает Трою встать и, что-то увидев, качает головой.

– А вот это ты зря, парень. – Он берет парня за шиворот и разворачивает ко мне лицом. На животе по форме расплывается мокрое пятно.

– Скажи, что ты напрудил в штаны, или я прибью тебя прямо здесь.

Делаю пару шагов, и меня буквально сносит резкий запах спиртного.

– Надо было позволить тебя сожрать.

– В чем твоя проблема? Ты же сказала, что можно один сувенир.

– Алкоголь на базе строго запрещен, – произносит Ник с опасным звоном в голосе. Вывести из себя пехотинца не так-то просто. Но Трою удалось.

– Моя проблема? – удивленно переспрашиваю. – Сейчас

моя проблема – это ты и твое самолюбование. Запомни эту поездку, малыш. Потому что больше в городе ноги твоей не будет. По крайней мере, в составе отряда.

Оглянувшись, вижу, как через переулок к нам направляется целая толпа зевак.

– Все в машину. Как неловко, Трой. Закатил сцену перед честным народом. Плохой мальчик.

– Стерва. – Он сплевывает мне под ноги в знак презрения. – Кто придумал ставить бабу во главе отряда.

Я умиленно склоняю голову на бок и улыбаюсь, как гиена.

– Вот и задай этот вопрос Картеру, когда вернешься. До тебя недовольных не было.

Всю дорогу на базу молчим. Я сижу рядом с Ником, он то и дело поглядывает на меня. Хочется, чтобы он прекратил. По возвращении меня ждет лекция. Когда-то я сама была психологом, а теперь сеансы для меня проводит вояка.

Примерно через час дорога уходит в горы. Еще через десять минут виляний между холмами и скалами мы сворачиваем на неприметную тропу. Почти дома.

База располагается на вершине почти отвесной скалы. После того, как привычный мир рухнул и заполнился восставшими из мертвых, мы нашли убежище на старой военной базе. С точки зрения военной стратегии это не самая грамотная локация, но в нынешних условиях она оказалась просто идеальной. Ни один мертвец не сможет забраться сюда. А нам всего лишь пришлось перепрофилироваться в скалолазов.

Выйдя из машины в нашем тупике, подаем сигнальный свист. Часовой выглядывает, убеждается, что это мы, и спускает корзину для припасов. В несколько заходов переправляем добычу, затем поднимаемся сами.

Едва оказавшись наверху, Трой бегом направляется в командный пункт. Я спокойно иду следом.

– Грейс!

– Ник, не сейчас, ладно?

– Он неправ, это верно. Но и ты погорячилась. Он еще молод.

Останавливаюсь и смотрю собеседнику в глаза.

– По-моему, самое время повзрослеть. А если он маленький мальчик, то пусть сидит на базе. Я не собираюсь топить его перед Картером, но и покрывать не буду.

Зайдя в кабинет нашего лидера, натываюсь на откровенную насмешку.

– Чего скалишься, твой пупсик уже наябедничал на меня?

– Ты ударила бойца. При всех. Разве можно так подрывать его боевой дух?

За что ненавижу Картера, так за эти смешливые глаза.

– Он не сказал, почему? Я не намерена терпеть, как ты, желая поддеть меня, подставляешь моих ребят.

– Это мои ребята.

– Они твои, когда находятся на базе. Когда же ты прохлаждаешь зад здесь, а они со мной там, среди мертвецов, это мои люди. И я за них отвечаю.

– В таком случае, Трой тоже твой человек.

– Он подвергает группу опасности. Я не собираюсь рисковать нашими жизнями.

– Это ваша работа.

– Наша работа, – я склоняюсь над столом и буквально рычу, – наша работа – снабжать базу припасами и пытаться зачистить город. Твои тупые шуточки и безмозглые кривляния Троя в наши обязанности не входят.

– Ладно. – Картер встает из-за стола и смотрит на меня сверху вниз. Он выше почти на полголовы. – Не злись, сестренка. Присядь, выдохни. Как все прошло?

Я опускаюсь на стул и борюсь с желанием потереть глаза. Картер протягивает мне стакан воды.

– В целом, нормально. Неплохой улов. – Молчу с минуту и устало произношу, – меня не должно быть здесь, Картер. Я должна быть в другом месте.

– Брюс хотел бы, чтобы ты была здесь, под моим присмотром.

– Он хотел бы, чтобы я искала нашу дочь.

– Ты знаешь, где она.

– Я не знаю наверняка. Связь пропала два месяца назад, с тех пор я могу только надеяться, что у них по-прежнему все в порядке.

– Уверен, что это так. Твой отец – один из лучших военных, что я встречал. Вокруг лишь поля и лес. Если к ним и забредет ненароком парочка, или даже кучка дохлых гостей,

он сумеет защитить жену и внучку.

Вздыхаю и недоверчиво смотрю на него. Он прав, бесспорно. Но от его правоты ненамного легче.

– Грейс. Обещаю, весной я соберу тебе отряд, снаряжу машину, обеспечу тебя всем необходимым и отправлю в Алабаму. А когда ты туда доберешься, то увидишь, как твой полковник в отставке спокойно разводит птиц и кормит Аманду свежей курятиной. Нет ситуации, которая заставила бы его паниковать. Ты знаешь, что он скажет – каждый должен делать свое дело, во что бы то ни стало.

– Я в первую очередь – мать. Мое дело быть рядом с дочерью.

– И ты будешь с ней. Но помоги нам пережить зиму, подготовиться как можно лучше. Сейчас ты нужна здесь. Нужна мне и людям, что на тебя рассчитывают.

Поджимаю губы.

– Папа будет мной гордиться?

– Еще как. Он оценит то, что ты не билась в сентиментальной истерике.

– А Брюс?

– Когда мы его найдем, он просто лопнет от гордости. Ты достойная дочь и жена военных.

– До встречи с твоим братом я клялась себе в том, что никогда не свяжусь с военными. Хватало мне отца с его вечными переездами, дисциплиной и косыми взглядами по поводу того, что я не сын.

– Брюс не похож на остальных.

– Поэтому я и вышла за него.

– Он всегда надеялся, что встретит девушку нежную, как лепесток, лучше хрустальную. Чтобы плакала над словом «котенок» и падала в обморок от малейшего намека на царапину.

– Да мы просто созданы друг для друга, – шмыгаю носом и издаю подобие смешка.

Картер кладет руки мне на плечи.

– Если без шуток, то так и есть. Ты знаешь, что когда вы начали встречаться, он хотел уйти со службы? Чтобы не втягивать тебя в это все. Не хотел быть продолжением твоего отца.

– Знаю. Я переубедила. Это было важно для него.

– Мы найдем его, сестренка. Вы снова будете вместе.

Делаю глубокий вдох и отмахиваюсь от личных переживаний.

– Не хочу больше видеть Троя в команде.

– Дай ему еще один шанс. Если подобное повторится, я не буду настаивать. Вам нужен пятый.

– Почему он?

– В нем есть потенциал. Он справится, а я помогу ему сбросить эту бравладу.

– Ладно. Еще один шанс.

После разговора с Картером, возвращаюсь к себе. Иду по длинным холодным коридорам.

За спиной раздается шуршание. Резко обернувшись, ищу источник звука. Никого. За одним из углов доносится плохо сдерживаемое хихиканье. Улыбнувшись, беззвучно крадусь в ту сторону. Выпрыгиваю и хватаю шпиона на руки.

– Мария! Ах ты, маленькая мышка, следишь за мной?

Восьмилетняя белокурая девочка заливается звонким смехом.

– Я шла за тобой от самого командного пункта! А ты заметила меня только сейчас! Я уже лучше справляюсь.

– Ого, да ты просто профессионал. Через пару лет, когда ты станешь совсем большая, возьму тебя в отряд. Будешь моим напарником.

– Только через пару лет? А мама меня отпустит?

– Прямо сейчас пойдем и спросим.

Перехватив Марию подмышкой, несу ее в медпункт.

– Мел, я тут поймала шпиона. Охотилась за мной. Говорят, из твоего лагеря.

– Мария, сколько раз я просила тебя не мешаться под ногами?

– Брось, Мел, она не мешается. Малышка, сбегай к Нику, я кое-что привезла тебе из города.

– Мам, можно?

– Конечно.

Мелисса тепло улыбается, глядя, как дочь вприпрыжку

отправляется за своим подарком. Затем переводит взгляд на меня.

– Ты ее балуешь.

– Сейчас детей нужно баловать как никогда. Если хочешь, я не буду. Просто, когда она смеется, мне легче думать об Аманде.

– Когда-нибудь я тоже буду радовать твою дочь. Выглядишь усталой. Как вылазка?

– Отлично, – небрежно отмахиваюсь, чтобы не заставлять ее волноваться.

Мелисса наш главный врач. В свое время мы с ней спасли друг другу жизни. Она красивая, синеглазая, темноволосая. Веселая и добрая, очень чуткая. Таких людей теперь мало осталось. Вся ее семья здесь, на базе. Муж отвечает за генераторы, а дочка помогает по мелочам в медпункте и играет с немногочисленными детьми. Люблю бывать у Мел, возиться с Марией.

Подруга внимательно смотрит на меня.

– Хочешь витаминку?

Смеюсь.

– Нет, оставь для детей. Приму душ и попробую отдохнуть.

– Ты спала?

– Минут сорок в машине. Ночью пару часов.

– Почему ты отказываешься от снотворного? Хороший отдых пошел бы тебе на пользу.

– Давай так. Если сегодня не смогу уснуть, то завтра обязательно возьму таблетку.

– Лгунья, – по-родительски ворчит Мел. – Говоришь так каждый день.

– Послезавтра поедem за медикаментами. Составь список.

– Думаешь, в городе еще что-то осталось?

– Мы вычистили почти все магазины, лавки и супермаркеты. Думаю, со следующей недели придется все же лезть в дома.

– Сочувствую, – она морщит нос, зная, как я боюсь этой перспективы.

– Ничего. Главное – чтобы на базе было все необходимое.

Я почти привыкла к тому, что вода в душе прохладная. Стараемся не тратить энергию на котлы. Лишь на освещение, готовку, изредка попытки проверить связь. Для детей воду кипятят на кухне в больших кастрюлях.

За месяцы, что мы здесь, я поняла, что человек может смириться с любыми неудобствами. На самом деле, по-настоящему нужных вещей не так много, как казалось раньше. Конечно, мне адаптироваться было проще. С отцом-военным обзавестись кучей хлама было просто нереально.

Подумав о папе, замираю и в миллионный раз обращаюсь к нему с мольбой. «Прошу тебя, позаботься о маме и Аманде».

Падаю в кровать, глаза сами закрываются, и я проваливаюсь в сон. На деле лишь снова переживаю все произошедшее.

Вспышка.

Мне двадцать четыре. Я стояла посреди очередного военного городка и не понимала, какого черта после колледжа вернулась к родителям. Всегда терпеть не могла эту военную жизнь. Жалела маму, вынужденную ждать отца из командировок и миссий. Наверное, хотела поддержать ее. На следующий день отец должен был снова уехать на несколько месяцев. Мама сильно поседела за время моей учебы, справляться со всем этим в одиночку ей было сложнее. Я же просто не представляла, куда себя деть. Всю юность я старалась доказать отцу, что дочь не хуже сына, а потом решила, что имею право быть тем, кем захочу. И неважно, что он думает.

Когда я приехала после выпуска, отец позаботился, чтобы меня взяли штатным психологом. Хотя был уверен, что «настоящему солдату психологи не нужны». Старая школа, деревянное мышление. Но я-то знала, что отец мягче, чем хотел казаться.

Два месяца спустя я совершенно свыклась, мне даже понравилось. Количество мужчин в форме меня не смущало, я выросла среди них. Помню, в одной из многочисленных школ у меня была подружка, которая черной завистью за-

видовала, что вокруг меня постоянно толпы сильных, решительных мужиков.

– Мисс Саммерс, можно?

Я отвернулась от окна и наткнулась на светлые серо-голубые глаза. Стойкость и бесстрашие отражались в них так же четко, как я в зеркале. Молодой офицер стоял в дверях кабинета и с неподдельным интересом меня разглядывал.

– Вы...?

– Сержант Митчелл. Меня направили к вам из-за... небольшого инцидента вчера вечером.

Жестом пригласила его сесть и начала рыться в бумагах. Ага, вот и он. Сержант Брюс Митчелл. Двадцать семь лет.

– Вы не слишком молоды для сержанта?

– С ранних лет в армии. Капрала получал вне очереди.

– Династия?

– Отец и дядя военные. Мой старший брат и я решили пойти по их стопам.

– Вы выбрали этот путь из-за них или это ваше решение?

– В отличие от брата я всегда хотел служить.

– Ваш брат сержант первого класса Картер Митчелл. Это с ним вы вчера подрались?

– Да.

– Разошлись во мнениях насчет службы?

Он широко улыбнулся.

– Нет, только насчет моральных принципов.

– Расскажите подробнее?

– Не думаю, что это уместно.

– Я должна предоставить рекомендации на предмет того, можете ли вы остаться в расположении части или вас следует перевести. А может, вам вообще не место в армии. Вы сами стремились быть рядом с братом, а теперь деретесь на виду у рядовых. Если вы намерены это продолжать, то вам лучше сменить место.

– С ним вы тоже будете разговаривать?

– Уже разговаривала.

– И что он сказал?

– Я не имею права вам рассказывать.

Он вздохнул.

– Наш спор никак не связан с моей пригодностью к службе. Это просто... просто глупость. Поведение, которое я счел недостойным.

Я смотрела выжидающе. Было видно, что ему очень неловко говорить об этом.

– Он предлагал пари. Кто из нас сможет затащить... девушку в постель. Для меня такие вещи неприемлемы.

Я оторвалась от записей и подняла на него взгляд. Он неуверенно добавил:

– К тому же, эта девушка очень красива.

– Речь обо мне? – Я спохватилась, – простите, это не имеет значения.

Сержант нервно сглотнул.

– Мисс Саммерс, можно личный вопрос?

Я пожала плечами.

– Если не слишком личный.

– У вас очень красивые глаза.

– Спасибо. Только это не очень похоже на вопрос. К тому же, у меня иммунитет на комплименты от людей вашей профессии.

– Это просто констатация факта. – Он встряхнул головой, понимая, что отвлекся. – Так что насчет меня? Прошу, мне важно остаться здесь.

– Вы лучше меня знаете, что самоконтроль в армии – одно из важнейших качеств. Пожалуй, даже важнее умения стрелять.

Он твердо кивнул.

– Согласен на все сто. Обычно меня не так просто вывести из себя. Но, братья, знаете ли.

– Я единственный ребенок в семье. Но понимаю, о чем вы говорите. Моя задача не избавиться от вас. А лишь принять верное решение.

– Я уже говорил первому сержанту, что такого больше не повторится. Вам могу обещать то же самое.

Впервые в жизни я почувствовала, как тело отзывается на взгляд мужчины в форме. Он не пытался меня соблазнить или хотя бы просто обаять. Но, если бы захотел, у него бы это легко получилось. Он был какой-то... особенный? От него веяло надежностью и скрытой мягкостью.

С минуту мы просто смотрели друг другу в глаза не в си-

лах оторваться.

– Ваша гетерохромия¹... передается по наследству?

– Понятия не имею. – Я поймала себя на том, что улыбаюсь не как профессионал.

– Мне бы хотелось, чтобы у моих детей были такие же глаза.

Я едва сдержалась, чтобы не цокнуть языком. Ну вот, наваждение ускользнуло из-за банальной фразы. Но на его лице отпечаталась наивная искренность. Это цепляло.

– Вам пора, – я постаралась придать своему голосу прохладный тон.

Митчелл поднялся. Было заметно, как он корил себя за такое поведение. Одарив его смеющимся взглядом, я произнесла:

– Не волнуйтесь ни о чем, сержант.

Он расплылся в широкой улыбке, полной благодарности и симпатии. «Взаимно, красавчик».

Спустя неделю я начала натекать на него буквально везде. Каждый день, по нескольку раз. Еще через месяц он, наконец, решил со мной заговорить.

– Мисс Саммерс, уделите мне минуту?

– Вы меня преследуете, сержант? Куда бы я ни пошла, всюду встречаю вас.

– Просто хочу быть уверен, что с вами все в порядке.

¹ Гетерохромия – различный цвет радужной оболочки правого и левого глаза или разная окраска различных участков радужной оболочки одного глаза.

Я замерла. Мой разум изо всех сил пытался не поддаться на эти уловки, но сердце так взволнованно стучало, стоило мне увидеть молодого сержанта. «Почему ты?»

– Вы хотели о чем-то поговорить?

– Хотел пригласить вас в город. В кино.

– Мне запрещено ходить на свидания со своими пациентами.

– Мы просто сходим в кино.

– Я не могу.

Поникнув, он опустил голову. Достал из кармана билет и протянул мне.

– Вдруг вы все же захотите посмотреть этот фильм.

Я приняла билет и случайно коснулась горячей кожи офицера. Мы оба оцепенели. Брюс осторожно подгладил меня пальцем по руке. Глубоко вздохнув, я посмотрела название ленты. Сеанс был через день.

– Ничего не обещаю.

Эти два дня я разрывалась между проклятым уставом и желанием пойти. Послав все к черту, все же выехала в город на маминой машине. Припарковавшись через дорогу от кинотеатра, заметила сержанта, который нервно мерил шагами площадку перед входом и без конца поглядывал на часы. Я впервые видела Брюса в гражданской одежде. Обычные джинсы и светлая футболка с треугольной горловиной. Выглядело просто, но очень сексуально. Очень хотелось подойти, но в то же время я хотела его подразнить.

«Каковы его мотивы? Зачем он здесь? Вряд ли дело в славе моего отца или подначках Митчелла-старшего. Похоже, между нами и вправду что-то есть».

За минуту до начала сеанса он вошел в здание. Я подождала еще минут двадцать, что далось мне очень нелегко, и последовала его примеру. В темном зале нашла Брюса. Он выглядел огорченным, безразлично смотрел на экран. Он так глубоко находился в своих мыслях, что не заметил, как я подошла и села рядом.

Я украдкой поглядывала на мужчину, наслаждаясь нашей близостью. Немного придвинулась и услышала его аромат, это была приятная смесь муската, кардамона и мяты. Необыкновенно уютный запах, одновременно бодрящий и убаюкивающий. Словно родной, знакомый. Почему-то мне представилось, как мы вместе сидим под теплым пледом у камина с какао в руках, негромко разговариваем о чем-то сокровенном, известном только нам двоим. Ведомая сиюсекундным желанием, я легонько провела подушечкой пальца по его намозоленным от боксерской груши костяшкам.

Сержант вздрогнул и сурово уставился на того, кто так бестактно вторгся в его личное пространство. Когда он понял, что это я, его лицо вытянулось от удивления и радости.

– Мисс Саммерс!

– Грейс.

– Грейс, – восторженно повторил он. – Ты пришла.

– Сама не знаю, почему, – я покачала головой, стараясь не

смотреть на него. – Интересный фильм? О чем он?

– Понятия не имею.

Мы тихонько засмеялись. Наши взгляды встретились. В его светлых глазах мелькали отблески киноэкрана. Одно я могла сказать точно – ему было тяжелее сдерживать чувства, чем мне. Я относилась к нему с осторожностью, меня пугало то влечение, что разгоралось внутри.

– Пойдем отсюда? – предложила я.

Мы гуляли всю ночь напролет, оказалось, что у Брюса отличное чувство юмора, практически неумное. Мы вальсировали посреди опустевшего шоссе, хохотали и подолгу смотрели друг другу в глаза, не находя слов.

Уже под утро, провожая меня до машины, он взял мою руку и деликатно поцеловал, после чего не спешил отпускать. Не выдержав, я сжала его пальцы и притянула сержанта к себе. Обвила рукой его шею и горячо поцеловала.

Он растерялся всего на секунду, а затем охотно, с легким трепетом ответил на поцелуй. Его руки сомкнулись на моей талии, и мне захотелось, чтобы он никогда меня не отпускал.

Через какое-то время мне удалось взять себя в руки. Я отстранилась и чуть оттолкнула офицера.

– Ого, – выдохнул он. – Неожиданно.

– Забудь. Не знаю, что на меня нашло.

Пока он замер в замешательстве, я села в машину и уехала, чувствуя на губах его вкус, а на одежде пряную смесь запахов.

*Мамочка, тебе нужно проснуться.
Вспышка.*

Глава 2

– Грейс. Грейс, проснись.

– Мел, в чем дело?

– Прости, что бужу. У нас проблема. Картер тебя зовет.

Вскакиваю. Не проходит и минуты, как мы уже идем по коридорам в общий зал.

– Что случилось?

– Вода исчезла. Люди паникуют.

– Давно? Я только что принимала душ. Который час?

– Ты была у меня часа три назад. Воды нет около полутора.

Но люди уже напуганы. Картер ругается на чем свет стоит.

– Я ведь говорила ему, что на базе нужен запас питьевой воды. Река-рекой, но мы на чертовой скале.

В общем зале гудит муравейник. Около пятидесяти гражданских, что нашли здесь свой дом, и около десяти военных, что стали новым государством, взяв на себя ответственность за жизни людей. То тут, то там раздаются недовольные возгласы.

– Нам нужна вода!

– Мой ребенок хочет пить!

– Кухня встала, как мы будем готовить?

– Почему вы стоите, сложа руки?

– Тихо! – зычный крик Картера разом восстанавливает тишину.

Я встаю рядом с ним и смотрю на перепуганные лица.

– Грейс, наконец-то. Слушайте все! Один из наших солдат уже проверяет водопровод внизу, у реки. Если там все в порядке, значит проблема внутри шахты, вырубленной в скале. Тогда Грейс, вы ее знаете, – он указывает на меня, – пойдет в шахту и все исправит. – Картер пресекает новую волну гула. – В любом случае, подача воды будет восстановлена в ближайшее время. Наберитесь терпения, не мешайте нам работать. И экономьте воду.

Понурый народ начинает разбредаться, перешептываясь.

– Да ты просто оратор, – поддеваю я. – Почему Грейс?

– Потому что шахта узкая, как козлиный зад. Из моих ребят только ты туда пролезешь.

Скрещиваю руки на груди.

– Не знаю, что меня восхищает больше. То, что ты так отлично разбираешься в анатомии козлов. Или то, что я способна на такое невероятное действие.

– Грейс, катись к чертям, сейчас не время.

– Сразу после того, как вернусь из... ну ты понял, – мило улыбаюсь в ответ на укор во взгляде родственника. – Кто внизу?

– Ник и Нэвилл.

Наблюдаю, как Картер мечется из угла в угол.

– Уймись, мы все наладим.

– Эти люди надеются на меня. Они доверили мне свои жизни.

– И не зря. Ты вытащил их из Апокалипсиса. Это просто проблема с трубой. Мы разберемся.

К нам подбегает Джейкоб, водолей базы.

– Картер, ребята вернулись. Они говорят, что от реки и до скалы трубы целые.

Я выпрямляюсь и отдаю честь.

– Сэр! Разрешите отправиться в козлиную задницу для решения проблемы!

– Джейкоб, отведи эту шутницу к люку и объясни, что нужно делать.

Смеясь, ухожу выполнять задание.

Возле люка уже ждет Ник со страховочным тросом.

– Надеюсь, ты не слишком плотно пообедала сегодня.

– Грейс, шахта очень узкая.

– Это Картер мне объяснил очень доходчиво.

– Трубы крепятся скобами. Думаю, тебе должно хватить места, чтобы использовать их в качестве опоры. Спускайся до тех пор, пока не увидишь течь или дыру. Возьми это, – он протягивает мне сантехническую замазку и моток клейкой ленты.

– Скотч? Серьезно?

– Это все, что у меня есть. Как временное решение сойдет, а к следующей вылазке я подготовлю список того, что вам нужно будет привезти. Сообщи по рации, каков масштаб повреждений.

Пока слушаю инструкции, Ник закрепляет трос и надева-

ет на меня каску с фонарем. Едва спустив одну ногу в люк, я вдруг спрашиваю:

– А что, если трубы целы?

Джейкоб бледнеет.

– Тогда мы в заднице.

Оказавшись в шахте, понимаю, что метафора, использованная Картером, более чем удачна. Кое-как спустившись метров на пятнадцать, я уже ободрала все локти и спину. Неужели нельзя было прорубить лаз чуть шире?

Еще метров через пять слышу тихое журчание воды. Нажимаю кнопку на рации.

– Джейкоб, радуйся, трубы повреждены.

– Слава богу! Что там?

– Секунду. – Добираюсь до нужной мне точки и присвистываю, – шов треснул, и верхняя труба сдвинулась почти наполовину. Как такое возможно?

– Помнишь, мы чувствовали толчки? Может, они со временем деформировали конструкцию. Мы не знаем, в каком состоянии водопровод был до нас. Можешь поставить трубу на место?

– Постараюсь. Ник, держи меня как можно крепче. Уронишь – тебе не поздоровится.

– Не бойся, напарник. Держу.

Перенеся весь упор ног на скобы, задом упираюсь в скалу, а руками обхватываю трубу и тяну на себя изо всех сил.

– Ну же, мать твою! Джейкоб, она не поддается.

– Тяни сильнее!

– Залезь сюда сам и попробуй, – злобно ворчу я, и эта злость помогает мне поставить жестянку на место. – Есть!

Добротню обмазываю стык водоотталкивающим пластилином, обматываю скотчем так щедро, что в руках остается пустая бобина.

– Так-то, детки. Сантехническая компания «Грейс и сыновья». Исправим любую хрень. С вас сто баксов.

– Что-то лозунг хромает, – посмеивается напарник.

– Придумай лучше.

– Набросаю варианты на досуге.

Выпрямляюсь и тянусь к скобке. Внезапно крепление под ногами вылетает из стены, и я с криком падаю вниз.

Вспышка.

Около двух месяцев сержант Митчелл старался за мной ухаживать. Посылал цветы, приглашал на свидания в городе. Я охотно виделась с ним, с удовольствием разговаривала, с трепетом принимала знаки внимания, но старалась сохранять дистанцию. Я убеждала себя в том, что изучаю его, стараюсь понять, что на уме у этого симпатичного офицера. Но на деле я изучала себя. То, как душа отзывалась на его присутствие, на его «случайные» прикосновения, на звук его голоса – это было что-то новое для меня. До этого я из принципа никогда не встречалась с военными или вообще муж-

чинами в форме. Меня не привлекало быть на втором месте после спасения мира. Но Брюс был особенным.

В разговорах с ним я находила себя, находила до убаюкивания умиротворяющий уют. С каждой нашей встречей мне все сильнее хотелось засыпать и просыпаться в его объятиях, хотя мы даже не целовались после того, первого свидания. Я старалась думать о долге, уставе, но Брюс все увереннее заполнял мое сердце. Он не был мужланом, помешанным на войне. Наоборот, он был очень галантным, внимательным и заботливым мужчиной.

Одним теплым весенним вечером я поздно возвращалась домой. Намеренно задержалась на работе, не хотелось быть одной в пустом доме. Отец был в очередном отъезде, а мама на пару недель улетела в гости к сестре.

Были поздние сумерки. Увидев тень на своем крыльце, я сначала испугалась, но быстро успокоилась, поняв, что это сержант. Он сидел на ступеньках и смотрел себе под ноги.

– Караулишь меня?

В полумраке радостно сверкнули его глаза.

– Хотел тебя увидеть. Ты поздно.

– Новобранцы. Гора работы для всех.

Он усмехнулся.

– Это да. Есть симпатичные?

– Один краше другого. Но все не в твоем вкусе.

Он невесело хохотнул.

– Ладно, извини, это глупая шутка. – Я села рядом с ним

на ступени. – Ты сам не свой. Что-то случилось?

– Я пришел попрощаться.

Мое сердце рухнуло вниз.

– Прощаться?

– Завтра в полдень самолет. Пора работать. Мы и так уже засиделись на базе.

Я с трудом сглотнула. Я знала, что рано или поздно ему придется уехать, но не думала, что отпустить его будет так трудно.

– Надолго?

– Минимум четыре месяца. Хотел спросить тебя кое о чем. – Он сделал паузу. – Знаешь, когда мы там, и предстоит наиболее опасное задание, нам разрешают сделать один звонок домой.

Я кивнула.

– Мама всегда радуется, когда отец не звонит. Это не значит, что он в безопасности. Но после этих звонков время тянется чудовищно. И следующего звонка боишься стократно.

– Ребята всегда кому-то звонят, а я никогда. И я хотел спросить тебя. Если ты не против, можно я позвоню тебе?

Я нервно поправила волосы.

– Конечно. Но надеюсь, что не позвонишь.

– Я буду писать. Это уже не вопрос, это предупреждение.

Я взяла его за руку.

– Буду очень ждать твоих писем.

Он поцеловал мои пальцы и встал.

– Я пойду. Спокойной ночи, Грейс.

«Да уж. Вряд ли», – с грустью подумала я. Руками обхватила его торс и положила голову на плечо. Он крепко обнял меня в ответ, уткнулся носом в мою макушку и замер. Мы стояли долго. Я не хотела его отпускать. Наконец он отстранился, коротко коснулся моих губ своими и развернулся, чтобы уйти.

Я с тяжелым сердцем поднялась на крыльцо и замерла с ключом в руке. Повернувшись к сержанту, вдруг окликнула его:

– Брюс?

Он обернулся.

– Может, хочешь зайти? Поужинаем вместе.

Его лицо озарилось улыбкой.

– С радостью.

Мама перед отъездом наготовила словно на целый взвод. Но мы без удивления обнаружили, что совсем не хотим есть. Поковырявшись недолго в тарелках, уставились друг на друга. Ведомая каким-то его внутренним магнитом, я встала из-за стола и подошла к мужчине. Он отодвинулся от стола, будто поняв мои намерения. Я села к нему на колени и гладила по жестким русым волосам. Он прикрыл глаза.

– Впервые мне так тяжело уезжать, Грейс.

– Почему? – Я знала ответ, но мне хотелось услышать это от него.

Он молчал какое-то время, затем глухо произнес:

– Потому что ты мне очень нравишься. Я без ума от тебя. – Он провел рукой по моим волосам. – Знаю, ты дочь военного, и я понимаю, почему ты не хотела бы связываться с кем-то из подобных.

Я улыбнулась уголками губ.

– Давай мы поговорим об этом, когда ты вернешься. Решать что-либо сейчас было бы нечестно.

– Разумеется. Не хочу на тебя давить.

Повисло неловкое молчание.

– Сделаю нам кофе. Вряд ли смогу сегодня уснуть.

– Прости, что потревожил на ночь глядя. Не мог уехать, не попрощавшись.

– Вот этого я тебе точно не простила бы. Устраивайся в гостиной. Я сейчас.

Зайдя в комнату с кофе и печеньем, застала Брюса у фортепиано. Он водил пальцами вдоль клавиш, едва касаясь их.

– Ты играешь? – спросил он, глянув на меня.

– В школе часто играла. Потом все реже. Маме нравится возить с собой эту громадину с места на место. Где бы ни жили, мы оставляли в старом доме почти всю мебель, но непременно забирали пианино, даже когда в нем отпала необходимость.

– Можно?

– Конечно.

Он сел за инструмент и начал играть. Я замерла от восторга. Из-под грубых и сильных пальцев лилась невероятно

нежная и бесконечно грустная мелодия. Казалось, в этой музыке он изливает свою душу, пытается донести, как ему сейчас больно. Местами он путал ноты, изредка сбивался, но я стояла за его спиной и была уверена, что не слышала в жизни ничего прекраснее и искреннее. По моей щеке скатилась слеза. В порыве чувств я обняла Брюса за плечи, сжав руки на его крепкой груди. Он замер, пальцы застыли над клавишами.

– Я буду очень скучать, – прошептала я, роняя слезы на воротник военной формы.

– Грейс...

Он медленно встал и долго смотрел мне в глаза. Коснулся моего лица, запустил пальцы в волосы на затылке.

– Можно поцеловать тебя?

– Думала, ты уже и не спросишь.

Мы слились в поцелуе, таком жадном, что не хватало воздуха. Я толкнула сержанта на диван и уселась на него сверху, не прекращая целовать. Расстегнула пуговицы на форме, нетерпеливо стянула с него куртку и футболку, восхищенно выдохнув от вида рельефного торса.

Он осторожно спустил с моего плеча блузку, я скинула ее до конца. Брюс гладил мое тело и увлеченно вдыхал мой запах. Он встал, удерживая меня на руках, уложил на диван и навалился сверху. От его тяжести и небывалой близости я издала тихий стон, изнемогая от нежности к нему, от желания быть с ним. Его поцелуи становились все настойчивее, все

ненасытнее. Наши пальцы переплелись. В момент слияния наших тел Брюс шумно выдохнул, наконец получив нечто долгожданное, и крепче сжал объятие. Он двигался чарующе, словно дикая кошка на охоте. Его глаза горели огнем, он прикусывал верхнюю губу, но это не помогало ему сдерживать стоны. С каждым движением он открывал передо мной новые свои грани. Конечно, я и до этого понимала, что военный не может быть просто нежным и спокойным. Но те сила и страсть, что мне удалось пробудить в нем, просто покорили меня. Я чувствовала себя особенной в его руках, ему в свою очередь удалось поднять с самого дна моей души всю женственность, которую тяжелый отцовский характер старался потопить. Брюс, с которым я была знакома несколько месяцев, сейчас казался мне самым родным.

Чуть позже, потягиваясь на его плече от сладкой истомы, я поняла, что это мой человек. Тот самый мужчина. И я была уверена, что не ошибаюсь.

– Кажется, наш кофе остыл, сержант.

Он рассмеялся и поцеловал меня.

– Хочу, чтобы ты знала. Пришел я не за этим. Я действительно просто хотел попрощаться.

– Знаю, Брюс.

Он сел и серьезно посмотрел мне в глаза.

– Ты веришь мне?

Было видно, что для него крайне важно услышать ответ. И он сразу распознал бы неправду.

– Верю.

– Грейс, когда ты рядом, у меня странное чувство. Я будто знаю тебя очень давно и очень хорошо.

– Это взаимно.

– Правда?

– Конечно.

Я тоже села и поцеловала его красивое рельефное плечо. Заметила, что кожа над бицепсом покрыта россыпью небольших родинок. Подушечками пальцев я стала обводить их и повторять этот путь поцелуями. Вдруг моргнула, заметив знакомый рисунок в их хаотичном на первый взгляд расположении. Моргнула снова, решив, что мне показалось.

– Ничего себе! – я подпрыгнула на месте и развернула его плечо ближе к свету, что лился от настольной лампы.

– Что? – он удивленно посмотрел на меня.

– Твои родинки. Ты знаешь, что это за рисунок?

– Просто родинки. Они у меня повсюду.

– Это, – я ткнула пальцем в его плечо, – не просто родинки. Это – созвездие Скорпиона. Один в один.

– Серьезно? – он округлил глаза. – Ты увлекаешься астрологией или типа того?

– Нет. Но я из тех, что читает гороскопы, любит изучать совместимость знаков, благоприятные дни и все в таком духе, – я закатила глаза в знак насмешки над своими нелепыми интересами. – Я – скорпион. Поэтому знаю, как выглядит созвездие.

– Ты шутишь, – с легкой улыбкой он смотрел на меня и не верил.

– Смотри! – я вскочила и подбежала к книжной полке. – Где она, где-где-где. Ага!

Достав небольшую потрепанную книжечку в мягкой обложке, я сразу нашла страницу, где описывался мой знак Зодиака.

– Я купила эту ерунду классе в пятом и зачитала до дыр. В шестнадцать лет я даже хотела сделать себе такую татуировку.

Брюс смотрел то на изображение в книге, то на свое плечо. Через пару минут взял меня за руку.

– Думаешь, это знак?

Я опустила взгляд.

– Если честно... хочу так думать.

Мы не сомкнули глаз всю ночь. Просто болтали. Он полулежал на диване, а я, опершись спиной на мужчину, нежилась в его руках.

Под утро Брюс нехотя встал и стал одеваться. В дверях неуверенно попросил:

– Подари мне свое фото?

Я представила себя придворной дамой, которую рыцарь во время турнира попросил повязать ленточку на копье, чтобы сражаться в ее честь. Военные крепят фото любимых с внутренней стороны каски, чтобы в любой момент заручиться каплей тепла родного дома и вовремя вспомнить, ради

кого им стоит выжить.

Без слов я метнулась в гостиную и выудила из маминого альбома одно из своих последних фото. На нем я смеялась, глядя куда-то мимо объектива и придерживая растрепанные ветром волосы. Очень яркий кадр, живой, искренний.

– Пойдет?

– Идеально. Я буду скучать.

Мамочка, открой глаза.

Вспышка.

– Грейс, Грейс! Грейс, очнись, прошу. Скажи, что ты жива, – Ник без конца кричит мне в наушник рации.

Морщусь от нестерпимо громкого звука, в голове звенит колокол.

– А если не скажу, то что? Спустишься и добьешь меня?

– Слава Богу! Я думал, ты разбилась насмерть!

– Так вот каков был твой план? – скриплю я. – Как только выберусь отсюда, тебе конец. Ты написал завещание?

– Конечно, все оставляю тебе.

– И зачем мне сдались твои стоптанные ботинки?

– А как же кольт?

– Кольт? Знаешь, желание убить тебя возросло до небывалых высот.

Ник нервно посмеивается.

– Ты в порядке?

– Как сказать... Что произошло?

– Веревка перетерлась. Джейкоб пошел за другой.

Вздыхаю. Понимаю, что сижу на самом дне шахты, благо до него оставалось совсем немного. Зад намок, спину саднит, лодыжка противно ноет, должно быть, вывих. Пытаюсь встать, но не получается.

– Ник, кажется, у меня тут проблема.

– Серьезно? А я и не заметил.

– Я застряла. Меня тут плотно утрамбовало на корточках.

– Вот и подкрепление. Сейчас вытащим тебя.

– Грейс? Грейс? Как она? – в эфир врывается нервный крик Картера.

– Я стукнулась головой об скалу, поэтому твои вопли причиняют мне дискомфорт.

– Раз ты шутишь свои шутки, значит, не все так плохо?

– Все отлично! Останусь здесь вашим водяным. Буду отгонять крыс от водопровода.

– Может, оставим ее там? Она меня достала.

Я усмехаюсь.

– Лови трос.

Они спускают веревку, тяжелый карабин бьет меня по макушке.

– Ай! Черт, эта ситуация самая неловкая в моей жизни.

– Что, даже более неловкая, чем, когда ты хотела встретить Брюса в эротическом белье, а приперся я?

Краснею и радуюсь, что не вижу сейчас физиономии ре-

бят.

– Картер, ты такой урод. Как только выберусь, в эту трубу полетит твой толстый зад.

– Можешь обмотаться веревкой?

– Нет. Могу лишь ухватиться покрепче.

– Так и поступим. На счет три тянем. Раз. Два. Три.

Я кричу от того, что трос режет ладони, а каменная твердь впивается в спину и ноги все глубже, не желая меня отпустить. Стараюсь поджаться насколько это возможно, чтобы хоть немного уменьшиться в объеме. Я должна выбраться. Пережив конец света, я больше полугода руководила боевым отрядом во время вылазок в город. Я просто не могу погибнуть, застряв в идиотской узкой шахте. У меня нет права погибнуть. Аманда ждет меня.

Мысли о дочери придают сил. Добив вывихнутую лодыжку, резко ставлю ноги в третью позицию, тем самым освободив немного места для того, чтобы пролезли бедра.

– Есть! Стой, не тяни. Зацеплю трос.

Через пару минут меня извлекают на поверхность.

– С рождением, крошка! – пытается шутить Картер, хотя у самого испарина на лбу.

– Сейчас буду орать, ведь первое, что я вижу, явившись на этот свет – твоя рожа.

Все с облегчением смеются.

– Отнесу тебя к Мелиссе.

– Сама дойду.

Пресекая любые возражения, брат моего мужа перекидывает меня через плечо.

Мелисса приходит в ужас, когда видит нас. Около получаса она обрабатывает мою спину и локти, заставляет прижимать лед к голове.

– Так, а теперь гвоздь программы. Тебе когда-нибудь вправляли вывих?

– Нет. Брюсу как-то вправляли. Он сказал, лучше бы родил троих за раз.

Мелисса смеется.

– Могу согласиться.

Когда раздается щелчок, сообщающий, что сустав встал на место, ору, как ненормальная и, одурев от боли, отключаюсь. Последнее, что чувствую – Мелисса ставит мне какой-то укол.

Вспышка.

– Согласен ли ты, Брюс Митчелл, взять Грейс Саммерс в законные жены?

– Да. – Глаза сержанта светились ярче летнего солнца Флориды.

– Согласна ли ты, Грейс Саммерс, взять Брюса Митчелла в законные мужья?

Я медлила. Жених нетерпеливо смотрел на меня. Я широко улыбнулась.

– Да. Согласна.

Когда Брюс поцеловал меня с разрешения священника, я почувствовала себя совершенно иначе. С этого момента я больше не была его девушкой, подружкой, знакомой, даже невестой. Я его жена. А он мой муж. Непередаваемое ощущение счастья, гордости, важности.

– Теперь ты лишь мой, – прошептала я ему на ухо.

– С тех самых пор, как впервые вошел в твой кабинет.

После нескольких месяцев ухаживаний, он смог наконец добиться моего расположения, смог развеять мои сомнения в чистоте его помыслов. Почти год мы встречались тайно от всего военного городка. Даже мама знала лишь то, что у меня есть мужчина, но не знала, кто именно.

Когда он сделал мне предложение, я не сомневалась и секунды, хотя отчетливо представляла все «за» и «против». Вместе мы одно целое.

Впервые в жизни, даже находясь на территории военной части со всеми ее ограничениями, серьезностью, постоянно нависшей тревогой, я почувствовала, что нахожусь в своей тарелке. Я готова была вариться в этом всем рядом с ним. Он – эталон надежности, силы и заботы. Порой мне казалось, что он слишком добр и нежен для военного, но, видя его в деле, я понимала, что он каким-то удивительным образом сочетает в себе и способность быть истинным профессионалом и способность быть отличным семьянином.

Предвкушая реакцию наших отцов, мы решили поженить-

ся тайно. Вернее, это я так захотела, а он согласился, желая, чтобы я чувствовала себя комфортно. Дождавшись его отпуска, мы уехали во Флориду и стали мужем и женой.

Первую брачную ночь провели в номере отеля в обнимку и строили планы на будущее. Я лежала у него на груди и вдыхала аромат спокойствия и уверенности в завтрашнем дне.

– Брюс, я люблю тебя.

Новоиспеченный муж замер. Я всем телом ощутила его трепет.

– Это первый раз, когда ты призналась.

– Не могу больше молчать.

– Знала бы ты, как я тебя люблю. Хочешь, уйду из армии?

– Давай перестанем поднимать эту тему? Я уже говорила – не хочу. Если ты хочешь уйти – это другой разговор. Но если хочешь продолжать карьеру, я с радостью буду рядом. Я знала, кто ты. И не собираюсь тебя переделывать. С тобой мне не страшно.

Он посмотрел мне в глаза.

– Картер любит говорить, что твоя гетерохромия – признак двуличия.

– Твой брат вообще любит болтать всякую ерунду. Не важно, по какому поводу.

Брюс рассмеялся.

– Это точно. Тем не менее, ты действительно очень разная. Голубой глаз – светлая сторона, карий – темная. Вместе они смотрятся так красиво, что я готов умереть.

– Эй, не вздумай умирать, – я подпрыгнула от боли, что причинили эти слова. Слезы сами вырвались наружу. – Я только нашла тебя. И вовсе не для того, чтобы потерять.

Брюс сел рядом и крепко прижал меня к себе.

– Ну что ты, Грейси. Я всегда буду рядом. У нас будут чудесные дети, к старости я уйду на пенсию, мы купим небольшой домик в лесу и будем наслаждаться тишиной. И мы всегда будем вместе. Обещаю.

Мамочка, просыпайся.

Вспышка.

Открываю глаза и пытаюсь понять, где нахожусь. В помещении полумрак, пахнет лекарствами. Понемногу восстанавливаю в голове, что произошло. Я в медпункте. Судя по всему, на кушетке в процедурной.

Прикрыв глаза, слушаю организм. Спину противно щиплет, перевязанная нога ноет. Из соседней комнаты доносится детский голосок. Резко сажусь, затаив дыхание. Устало тру затылок, поняв, что это Мария. Почему я каждый раз надеюсь, что Аманда вдруг просто появится на базе?

Подпрыгивая на одной ноге, выхожу в основную комнату. Девочка тихонько играет с каким-то игрушками за маминим столом.

– Что, мышка, заменяешь маму?

Она поднимает голову и хихикает, зажимая рот ладошкой.

ми.

– Нет, просто играю. Мама сейчас придет. Пошла за супом для тебя.

– Что бы я без вас делала? – искренне спрашиваю я и усаживаюсь на диван.

– Как твоя нога? Очень болит?

– Почти и не болит. Твоя мама настоящая волшебница.

– У тебя тоже есть дочка?

Поджав губы, киваю.

– Расскажи о ней.

– Ее зовут Аманда. Ей шесть лет.

Дочь Мелиссы пересаживается ко мне.

– Такая маленькая?

– Да, совсем крошка, – с улыбкой отвечаю я. – У нее каштановые выющиеся волосы и светлые глаза.

– Не разные, как у тебя?

– Не совсем. Лишь небольшое карее пятнышко на голубых глазах.

– Она любит играть?

– Конечно. Любит мягкие игрушки, особенно своего плюшевого кота. Ее папа привез ей игрушку из командировки, когда она была еще младенцем, и с тех пор она с ним не расстается.

– Ты скучаешь по ней?

Я тяжело сглатываю и едва нахожу силы, чтобы ответить.

– Просто невероятно сильно скучаю.

– А она приедет сюда?

– Не знаю, Мария. Скорее, я отправлюсь к ней.

Лицо девочки окрашивается удивлением.

– Ты уедешь? Бросишь нас?

– Не брошу, что ты. Но мы должны быть вместе, понимаешь? Как ты и твоя мама.

Мария задумывается. Затем уверенно кивает головой.

– Да. Я бы хотела, чтобы мама приехала за мной, несмотря ни на что.

– Как спалось? – над нами раздается голос Мелиссы.

Я вздрагиваю.

– Бог мой, Мел. Как же ты меня напугала. Мария, ты что, взялась тренировать маму? – щекочу девочку, на что она громко смеется. – Иди поиграй. – Затем обращаюсь к подружке, – долго я спала?

Глянув на время, Мел отвечает:

– Почти пятнадцать часов.

– Ого. Серьезно? Ты поставила мне укол...

– Легкое снотворное. Тебе нужно было хорошенько отдохнуть и расслабиться. Как себя чувствуешь?

– Будто заново родилась. Но в этот раз калекой. Вода появилась?

– Сразу, как ты поставила трубу на место. Ты снова наш герой.

Скромно улыбаюсь.

– Рада, что смогла помочь. Надолго это? – показываю на

ногу.

– Нужен абсолютный покой. Недели три, не меньше.

– Ты шутишь, да?

Она качает головой.

– Никаких шуток. Я не могу сделать рентген, поэтому не знаю точно, в каком состоянии сустав. Тебе нужно беречь ногу, иначе останешься хромой.

– Мне завтра в город.

– Несколько раз справятся без тебя.

– Мел, сделай что-нибудь.

– Могу только отмотать время назад, чтобы ты не упала в шахту.

– Мелисса, – от досады начинаю покусывать щеку изнутри.

– Послушай меня, Грейс, – док наклоняется и грозно шепчет, – перестань изображать Рэмбо. Здесь есть мужики, которые в состоянии съездить в город без тебя. А ты должна думать о дочери. С такой травмой не уйти даже от безногого мертвеца. Ты подвергнешь опасности не только себя, но и остальных. Ты хотела бы, чтобы кто-то из-за своего эгоизма подвел твоего мужа?

Ее голос звенит от напряжения и жесткости, несмотря на шепот, синие глаза искрятся ледяными искрами. Стискиваю зубы и чувствую, как слезы рвутся наружу. Шепчу в ответ, умоляя ее, хотя понимаю, что она права и от нее действительно ничего не зависит.

– Я с ума сойду просто сидеть и ничего не делать.

– Отличный стимул поскорее поправиться.

Вяло сползаю по спинке дивана.

– Ты права. Конечно, ты права, Мел, – бесцветным голо-
сом произношу я.

– Позову кого-нибудь, чтобы отнесли тебя в комнату.

– Ладно.

В эту же секунду входит Ник, виновато потупив взгляд.

– Привет, напарник, как ты?

– А вот и подмога. Отнеси Грейс в комнату, ей нужно от-
дохнуть.

Кивнув, пехотинец берет меня на руки. Он старше меня на пять лет, высокий, каштановые волосы отливают медью, а темные глаза без конца оценивают обстановку. Ник всегда собран, готов к любому повороту событий.

Пока идем по коридору, пытаюсь возражать.

– Можешь меня поставить, я дойду сама. Просто не хотела спорить с Мел.

– Не обсуждается.

– Мел запретила мне ездить в город.

– И правильно. Пока тебя не будет, Картер назначил ко-
мандиром меня.

– Отличное решение. Я считаю, что ты и должен возглав-
лять команду. Не понимаю, почему он меня выбрал.

– Потому что я ушел из армии не просто так. А тебе нужно
чем-то заниматься. Картер свое дело знает, хоть и старается

казаться иногда идиотом.

– Вот и пришли, – вздыхаю я.

– Грейс, прости, что не удержал. Ты доверилась мне, а я тебя подвел.

Отмахиваюсь и выдавливаю улыбку.

– Брось, это не твоя вина. Я жива, и это главное. А нога быстро заживет.

– Выздоровливай скорее, напарник. Иначе кто будет прикрывать мою спину?

– Непременно. Ты и не заметишь моего отсутствия. И да, Ник, – окликаю его у порога, – постарайся найти кофе.

Он широко улыбается.

– Есть, мэм.

Следующие две недели не нахожу себе места. Стараюсь помогать на кухне, на сортировке припасов, в медпункте. У Мел нашелся толстый медицинский справочник, в котором описаны специальные упражнения. Стараюсь их делать, чтобы скорее встать на ноги.

Ночами подолгу не сплю, думаю о Брюсе и Аманде. В слабом освещении ночника рассматриваю фото в медальоне. Муж держит дочь на руках, они улыбаются друг другу. Больше всего на свете хочу обнять их. Как только узнаю, что с ними все в порядке, все встанет на свои места.

Картер говорит, что именно поэтому и не хотел обзаводиться семьей. Одному спастись легче, да и погибать не так страшно, когда знаешь, что никто не нуждается в твоей за-

щите или в твоей жизни. Конечно, он лукавит. Картер очень помогал мне, когда все это только началось. Он переживает за брата почти так же сильно, как и я.

В одну из ночей засыпаю на удивление быстро, и мне снится моя семья.

Вспышка.

За первый год супружеской жизни нам с Брюсом удалось побыть рядом всего пару месяцев. Каким-то чудом ему удалось вырваться на несколько дней, самому оплатить самолет и приехать на нашу первую годовщину.

– Грейси, я дома! – прокричал он, ворвавшись в наш небольшой дом.

Когда я сбегала по лестнице, то была уверена, что его глубокий голос мне почудился. Отпуск был не так давно, и дома муж должен был оказаться не раньше, чем через шестнадцать недель.

– Брюс!

Я скакала вокруг него, как дитя, то и дело взвизгивая от радости.

Запрыгнула к нему на руки, обхватив ногами крепкий торс, он бросил дорожную сумку и букет цветов на пол, чтобы удержать меня в объятиях. Сжав ладонями лицо любимого человека, я зацеловала улыбающиеся щеки, ровный нос, широкий лоб с хмурой морщинкой, волевой подбородок.

Заглянув в голубые глаза, снова почувствовала, что лечу к небесам.

– Почему ты не сообщил, что приедешь?

– Хотел сделать сюрприз. Сегодня наша первая годовщина. Мы не должны отмечать ее порознь.

От счастья я расплакалась. Он тепло улыбнулся.

– Грейс, моя глупышка. Ты опять плачешь?

– Ты превратил меня в сентиментальную нюню.

Брюс запрокинул голову и чарующе рассмеялся. Провел рукой по моим длинным светлым волосам.

– Как же я скучал. – Он сглотнул, пытаясь протолкнуть ком, застрявший в горле.

Мы набрали ванну, и я смывала с мужа напряжение его работы и нелегкого пути до дома. Мочалкой стирала тревожные мысли, вездесущую песчаную пыль и всю жестокость Ближнего Востока. Взамен наполняла силой нашего совместного дома, полного любви и поддержки. Брюс молчал, наслаждаясь уютом и моими прикосновениями. Мы боялись говорить, зная, что невольно проскочит то, что пытаемся игнорировать – через два дня он снова уедет.

Поздно вечером я зашла в гостиную, держа поднос с закусками. Брюс сидел на полу перед камином в одних домашних штанах и орудовал кочергой.

– Нужно было сходить в магазин, без тебя я питаюсь подножным кормом. Это все, что нашла.

На тарелке лежали ломтики сыра, нежирного мяса, злако-

вые батончики и его любимая салями.

Он улыбнулся.

– Лучший праздничный ужин, который только можно вообразить.

Я легонько укусила его за плечо и села рядом.

– Не подначивай.

– Серьезно. Еще вчера я был у черта на куличиках среди враждебно настроенных аборигенов, а сегодня вижу тебя в свете камина.

Прижавшись к нему, я вдохнула с его кожи пряное тепло, что так невообразимо сочеталось со свежей прохладой.

– Как мне не хватает твоего запаха... – сдавленно произнесла я.

Брюс продолжительно поцеловал меня в макушку и крепче стиснул в объятиях.

– На днях я шел по базару, по ряду с пряностями и вдруг замер у одного лотка. Мне показалось, что я услышал твое присутствие.

– Как это? Пахло конфетами? – хихикнула я.

– Это была горячая карамель с солью.

Волна любви пробежала от самой моей поясицы до кончиков волос, оставшись дрожью в пальцах.

– Никогда ничего не покупал у торговцев. Но тут не смог удержаться. Ел эту карамель, и меня не отпускали мысли о тебе. Вечером первым делом направился к командиру и вымолил у него отпустить меня на несколько дней.

Я поцеловала его с такой нежностью, словно копила ее всю жизнь именно для этого поцелуя. Лишь для этого мужчины.

– Значит, я пахну, как соленая карамель.

– Думаешь, это глупо?

Я с серьезной миной отрицательно помотала головой. Он смотрел на меня, как замороженный.

– В этом вся ты. Вот я наслаждаюсь твоей сладостью, теплом, но вдруг на язык попадает крупинка соли, и мой мир переворачивается. Я люблю тебя до безумия.

Он пропустил прядь моих волос между пальцами и поднес к носу. Затем прижал ко лбу.

– Знаешь, – сбивчиво начал он. – До тебя война была легче. Меня не тянуло домой. Меня ничто не пугало. Сейчас каждый час там тянется, как неделя. Минута без тебя превращается в смертельную вечность, которую я боюсь не пережить.

По моей щеке сбежала слеза.

– Но то, что ты моя жена, сильнее всего этого. То, что ты ждешь меня здесь, в нашем доме – лучший стимул вернуться целым и невредимым.

Он поднял глаза. На светло-голубой радужке плясали блики очага. В его глазах блестели слезы.

– Я счастлив быть твоим. Я счастлив быть с тобой. Я счастлив, что впервые в жизни могу быть собой. Могу не скрывать свои чувства и мысли, зная, что ты поймешь меня целиком, что ты не осудишь ни мой страх, ни мою слабость.

– Никогда, – я коснулась губами уголка его губ.

– Я привез тебе подарок.

Он достал из кармана тяжелый серебряный кулон в форме солдатского жетона на длинной цепочке.

– Открой.

Я с удивлением обнаружила сбоку крошечную щелочку, просунув ноготь, открыла. Внутри были часы, а на тонкой крышке – место для фотографии. Брюс улыбался мне с изображения.

– У меня точно такой же, но с твоим фото, – он достал парное украшение. – Хочу, чтобы мы всегда были рядом.

Я крепко обняла его, чувствуя себя чертовой счастливицей. Я сорвала зеро, джек-пот и что там еще только можно сорвать в казино. Я выиграла эту жизнь, выйдя за Брюса.

– У меня тоже есть подарок. Только я волнуюсь. Мы это не обсуждали. Не знаю, как ты отреагируешь.

– Грейси, я буду рад, что бы это ни было.

Я глубоко вдохнула и прикрыла глаза. Задержала дыхание, затем резко вытолкнула воздух из легких.

– Я сейчас.

Ушла в ванную, вернулась через пару минут, сжимая подарок в кулаке. Устроившись в объятиях любимого, прошептала.

– Я редко говорю это. Но ты знаешь, что я люблю тебя всей душой.

– Знаю, родная.

Я протянула разжатую ладонь и показала положительный тест на беременность.

– Ты станешь папой. Скоро мы будем ждать тебя вдвоем.

Не понадобилось никаких слов, чтобы передать, как он счастлив. Все было написано на его лице, в глазах цвета святой веры. Целуя мой живот, он тихонько заплакал.

– Хочу девочку с такими же глазами, как у тебя.

Мамочка, проснись.

Вспышка.

Глава 3

– Аманда, постой, не уходи.

Вздрагиваю от звука собственного голоса и просыпаюсь. Часы показывают четыре утра, можно поспать еще немного.

Закрываю глаза, но тут же открываю и сажусь, прислушиваясь. Вокруг тихо, но эта тишина какая-то напряженная. В воздухе почти осязаемо висит тревога, и она словно готова вот-вот взорваться и залить все кровью.

Трясу головой, отгоняя дурные мысли. Решаю все же пройтись, чтобы убедиться, что все в порядке. Натягиваю футболку Брюса, штаны, шнурую ботинки, морщась, когда почти зажившая нога встает не так, как нужно.

Иду по корпусу, стараясь переносить вес на здоровую ногу, но при этом не хромать.

В общем зале довольно много людей. Но ни одного военного.

– Извините, – обращаюсь к женщине средних лет, одной из поваров. – Что-то случилось? Где солдаты?

– Мы не знаем, Грейс. После часу ночи прибежал часовой, и они все сорвались в командный пункт.

Сердце начинает сильно стучать.

– Спасибо.

Ускоряю шаг, стараясь не думать о том, что, возможно, знаю, в чем дело. Ворвавшись к Картеру, застаю там всех ре-

бят, склонившихся над картой города.

– В чем дело?

– Грейс, вернись к себе.

– Черта с два. Что случилось?

– Уйди, пока я тебя не вытолкал, – рычит Картер.

– Только попробуй. Я должна знать.

– Картер, она наш человек, расскажи ей.

Командир сверлит меня взглядом.

– Ник и группа не вернулись из города.

Чтобы не упасть, мне приходится вцепиться пальцами в столешницу.

– Когда они уехали?

– Вчера в девять утра, как обычно. Ты знаешь, если группа не возвращается до полуночи, это плохой знак.

– Нужно идти за ними.

– Спасибо, как же мы без тебя не догадались. Как раз обсуждаем план.

– Я пойду.

– Грейс... – начинает Картер, но я не даю ему продолжить.

– Я уйду с твоего разрешения или без, ясно? Я знаю город, знаю Ника и маршруты группы. Кого бы ты ни отправил, я иду с ними.

Картер молчит и смотрит на ребят. Возражений нет, но он все равно сомневается.

– Набирай группу.

Осматриваю комнату.

– Ричард, Спенсер и Люк. Собирайтесь. Возьмите стволы, на всякий случай. Я тоже кое-что прихвачу. Через пятнадцать минут встречаемся на блокпосте.

Все расходятся. Картер придерживает меня за руку.

– Если с тобой что-нибудь случится, как я буду смотреть в глаза брату?

– Я вернусь. Мы вернемся все вместе.

В назначенное время группа спускается вниз, к еще одной припрятанной машине. Эта не такая надежная, но вариантов немного. Объясняю водителю, куда ехать.

Час дороги до города тянется очень долго. Мы вглядываемся в предрассветные сумерки, вдруг наши попали в аварию.

На месте, где мы обычно паркуемся во время вылазок, «хаммера» нет. На двух других возможных точках – тоже. Я недоуменно качаю головой.

– Как такое возможно?

– Может, они сбежали? – с заднего сиденья подает голос Спенсер.

Меня буквально подкидывает от этих слов.

– Соображаешь, что несешь?

– Вдруг они нашли жирное место, хорошенько затарились там и рванули в свободное плавание.

– Бред. Ребята не бросили бы базу. Даже если они хотели бы уйти, то их никто не держит насильно.

– Да, только «хаммер» и винтовки им тоже никто не по-

дарил бы.

– Лучше заткнись, пока я не переехала тебя машиной.

– Я просто делаю предположения.

– А если серьезно, – в разговор вклинивается Люк, – вдруг кто-то из них решил не делиться? Пришил остальных и все.

– Никто из них не способен на такое.

– Как насчет Троя?

– Трой? Он сосунок. Против троих военных у него не было бы шансов.

– Откуда нам знать. Может, он ловко прикидывался все время? С чего бы он так рвался на работу в город?

– Нет. Никто из них, даже Трой, не мог предать своих людей.

– Знаешь, Грейс. Прими дружеский совет, – с нежностью аллигатора протягивает Спенсер, – никогда не стремись отвечать за действия других людей. Но будь всегда готова ответить за свои.

– В таком случае прислушайся к этому совету сам. И не примеряй на других свою гнилую натуру.

– Ричард, а ты что думаешь? – Люк обращается к водителю, который все это время никак не реагировал на наш спор, спокойно управляя транспортом.

– Думаю, что гнать на своих – последнее дело. Вряд ли кто-то из них просто крыса, решившая сбежать с корабля. Но кое-что меня беспокоит. Они действительно могли попасть в ловушку.

– И в чью же? – ехидно спрашивает Спенс. Я взяла его из-за того, что он профи, но у меня совершенно вылетело из головы то, что он болтливая скотина. И сам при первой же возможности запросто продаст нас всех.

Следующий мой вдох приносит догадку и ледяной ужас.

– Мейсон? Думаешь, он вернулся?

– Черт его знает. Не будем исключать эту вероятность.

Повисает напряженное молчание. Четыре месяца назад мы столкнулись с Мейсоном и его бандой. Законченные отморожки. Пользуются мертвецами как оружием, как прикрытием, а живыми – как наживкой. Их интересуют «блага». Они одними из первых обчистили оружейные магазины и даже оружейный сейф в офисе шерифа. Они не раз вылавливали наших людей, чтобы выведать местоположение базы, но остались с носом. Однажды мы столкнулись с ними в жуткой перестрелке, это было очень похоже на войну. Вдобавок к свистящим пулям и разрывам гранат на шум сползались полчища зомби. Одним лишь чудом нам удалось не просто выстоять, но и прогнать шайку головорезов из города. Ричард прав – нельзя надеяться, что они ушли так просто и не могут вернуться в любой момент.

– Грейс, что дальше? Мы объехали все точки и не можем просто колесить по городу.

– Люк, ты, кажется, разбираешься в технике?

– Немного.

– Карл сказал однажды, что при желании городскую теле-

вышку можно использовать как антенну для усилителя сигнала раций. Может, мы могли бы попытаться связаться с Ником. Если они где-то здесь, то сигнал найдется.

Люк задумывается на несколько секунд.

– Теоретически это возможно. Если вышка работает.

– Она пахла еще месяц после окончания вещания. Наверное, от генератора. Мы могли бы заправить его.

– «Мы могли бы», «можно попробовать», «теоретически возможно», «если», «вдруг», «наверное». Чип и Дейл, вы умные, конечно, но что если это все впустую?

– Не попробуешь – не узнаешь, Гаечка.

Офис крошечной телекомпании расположен в городской ратуше Рок-Спрингс. Карл говорил, что генераторы должны быть расположены в подвале.

Припарковавшись максимально близко к входу, оставляем Ричарда в машине. Взяв из машины канистру с топливом, осторожно входим в здание. Холл, продуваемый всеми ветрами, завален мусором и человеческими останками.

Перевернув винтовку, Спенс прикладом стучит в пол. Эхо гулко раскатывается по каменному, некогда красивому помещению.

– Чисто, идем.

Найдя спуск в подвал, включаем фонарики, ножи на изготовке. Спустившись с последней ступени, Люк обводит фонарем узкий коридор и свистит.

– Раньше нужно было стучаться прежде, чем войти в ком-

нату, потому что невежливо. Теперь тоже нужно стучаться, потому что тебя могут сожрать.

– Это наказание всем невежливым и невоспитанным чурбанам.

Люк коротко смеется в ответ на мою шутку.

– Генераторы здесь.

Он входит в нужную комнату и присматривается к табличкам, что висят над каждым пунктом энергии.

– Вот этот. Спенс, дай канистру.

Пока техник заливает топливо, наш ворчун находит новый повод для беспокойства.

– Что, если сигнал перехватит кто-то чужой? Тот же Мейсон.

– Причитаешь, как моя бабуля. Уймись уже, – цыкает на него Люк. – Лучше скрестите пальцы. На счет три. Три.

Он несколько раз дергает за трос, чтобы завести генератор. Наконец, раздается тарахтение мотора, затем звук превращается в мерное гудение.

– Супер! Так, быстро валим на вышку, надолго генератора не хватит.

– Нужно было сразу кого-то туда отправить, – хлопаю себя по лбу от того, что хорошая мысль пришла в голову так поздно.

– Чертовы олухи, какого хрена я вообще с вами поехал.

С этими словами он тянет дверь на себя и тут же падает от свалившегося на него труп охранника. Мертвец страш-

но клацает зубами в опасной близости от носа Спенсера. Последний упал на собственную левую руку, правой старается держать здоровяка подальше от своей плоти. Через две секунды я уже вытаскиваю нож из головы нападавшего. Мертвая кровь струей капает на лицо нашего человека. Сбросив труп, подаю Спенсу руку и помогаю встать. Достаю из разгрузки бутылку с водой.

– Смой скорее, пока в глаза не попало.

Вернувшись на улицу, направляемся к вышке, она стоит метрах в ста за ратушей.

– Грейс, пойдешь наверх со мной, поможешь настроить нужную частоту, – командует Люк.

Бросаю взгляд на Спенсера. И без слов понятно, что он остается внизу прикрывать нас. Люк поднимается первым. Еще стоя внизу, оглядываюсь.

– Совсем нет мертвецов. Только тот, что заблудился в подвале. А на улице мы видели хоть кого-то?

– Ты что, соскучилась по ним?

– Нет. Но это странно.

Карабкаюсь наверх, постоянно оглядываю улицы города, что открываются лучше и лучше. Надеюсь увидеть «хаммер» или хотя бы скопление зомби. То, что никого нет – не просто странно. Невозможно.

На верхней площадке Люк возится с аппаратурой, подключает передатчик моей рации. Я зачитываю ему параметры с обратной стороны щитка.

– Попробуй выйти на связь, – командует техник через несколько минут.

– Ник, прием.

Тишина.

– Ник? Ты слышишь меня, это Грейс. Прием. – С угасающей надеждой гляжу на Люка. – Ник, прошу, ответь. Где же ты?

Молчание. Люк предлагает:

– Давай попробуем другую...

– Грейс? ... ты?

Я вскидываю ладонь, останавливая Люка.

– Ник! Слава богу!

– Где ты? – Слова едва различимы сквозь помехи.

– Мы на телевышке. Ищем вас повсюду. Где вы?

– За городом... юго-запад... склад.

– Что за склад? Далеко от города?

– Мы в жопе, Грейс.

Помехи сменяются жутким шипением. Связь прерывается.

Я бросаюсь вниз по вертикальной лестнице. Люк задерживается на несколько секунд, пока отключает мою рацию.

Футах в пяти над землей я попросту спрыгиваю на землю, нет времени на чертовы ступени. Нога взывает от негодования, но я почти не замечаю.

– Сработало? – нетерпеливо спрашивает Спенсер.

– Быстро в машину. Люк, бегом.

Едва за последним из нас успевает закрыться дверь, я таторю.

– На юго-запад, за город. Быстро.

Ричард бьет по газам.

– В чем дело? Тебе удалось связаться с ними?

– У них проблемы. Они на каком-то складе. Идеи? Кто отсюда родом?

Люк разворачивает большую подробную карту Рок-Спрингс.

– Что там за склады – ума не приложу, но точно видел их на карте. Думаю, это хранилища корма для скота или что-то в этом роде. Около десятка здоровенных амбаров.

– И где мы будем искать? – Кажется, столкновение с зомби повлияло на Спенсера. Он ведет себя не как мудака.

– Сориентируемся. Возможно, все трупы ушли туда. Иначе почему их нет на улицах? И почему Ник не может выбраться?

Ехать приходится недолго, не больше двадцати минут, прежде чем мы замечаем высокие постройки.

Въехав на проселочную дорогу, что ведет между амбарами, мы хором ахаем.

Вокруг одного из хранилищ буквально кишат мертвецы. Насколько видно, они обступили постройку по всему периметру и без конца долбят в обшитые металлическими листами стены, самих себя привлекая на этот грохот. Заунывные стоны мертвецов, щелканье зубов, хрипы, проходящие

сквозь гнилые связки. Кошмарная симфония смерти заполняет округу.

– Даю руку на отсечение, металл прибили специально, чтобы мертвецы не могли отойти оттуда, – Спенс нервно чешет затылок.

– Грейс, рация. Мы должны точно знать, что они там, прежде, чем полезем сломя голову разгонять голодающих.

Согласно киваю.

– Ник, слышишь меня?

– Грейс? Где ты?

– Прямо на твоём пороге. Скажи, не в твою ли гримерку ломаются все эти поклонники?

– Слава Богу. Да, это все к нам. Вставай в очередь. Мы сыграли для них неплохой концерт, они просят на бис, вот только патронов больше нет. Выход только один, а они повсюду.

– Ты не против, если я пошумлю тут немного?

– Даже и не знаю. Нечестно, по отношению к ним.

– Ну, тогда я поехала домой.

– Эй! – вскрикивает Ник.

– Брось, неужели я брошу тебя, старина. Дай нам пару минут. Придумаем, как отвлечь их от тебя. Как подам сигнал, выходите. Все целы?

– Да, но есть еще проблема. Мы заперты снаружи.

Я замираю.

– Что? Кто это сделал?

– Если бы я знал. Грейс, меня развели, как школьника. Будьте осторожны.

– Принято. Двигайтесь к дверям. Как смогу, выпущу вас. Конец связи, – смотрю на остальных, – Что думаете? Неужели, действительно Мейсон?

– Вполне возможно. Этот фокус с мертвецами в его духе. Если это он, то, скорее всего, нас тоже поджидают.

– Вариантов немного. Их нужно вытаскивать. Но будьте начеку. Предлагаю следующее. – Снимаю тяжелый разгрузочный жилет, оставив при себе лишь пистолет, пару обойм и нож. – Есть у кого глушитель для «Беретты»?

Люк роется в карманах, наконец протягивает мне глушитель. Пока прикручиваю его к стволу, делюсь своей идеей.

– Я обойду вот этот амбар, тот, что слева. По моему сигналу вы врubaете музыку и ведете дохляков за собой. Не слишком быстро, чтобы они не потеряли к вам интерес. Как только у амбара никого не останется, я освобожу парней. Сяду с ними в «хаммер», на нем мы сможем объехать толпу и по обочине. Когда скажу, что все в норме, рванете изо всех сил в сторону дома. А мы следом.

– Звучит очень просто.

– Надеюсь, так и будет.

– А если Мейсон объявится? Он наверняка где-то здесь. Если тебя пришьют, как только подойдешь к дверям?

– Больше одного раза не убьют.

Не хочется думать о том, что Спенс может быть прав. Я

не имею права так рисковать собой. Но и бросить Ника на верную гибель не могу.

– Пойду с тобой.

– Ты топаешь, как слон. А я двигаюсь бесшумно. Просто отвлеките их на себя, а я выйду на чистую площадку и открою дверь. Все, нет времени на споры.

С этими словами выпрыгиваю из машины и, пригнувшись, бегу к соседнему амбару. Оказавшись за углом, машу Ричарду. Он жмет на клаксон и почти сразу включает какой-то сумасшедший рев на полную громкость. Даже мне охота пойти к нему и прибить за такой кошмарный музыкальный вкус.

Тем не менее, это работает. Зомби бросают столь увлекательные попытки пробить металлические листы и разворачиваются на новый звук, сулящий вкусный обед.

Проходит не менее трех минут, пока все мертвецы устремляются в «погоню» за машиной. Ричард разворачивает авто и на медленной скорости «бросается наутек» от полчища мертвых людоедов. Из салона слышно нескладное подпевание троих мужчин. Я усмехаюсь.

Из-за угла мне навстречу выходят несколько трупов.

– А вы, ребята, глухие? Или вам тоже не по душе такая музыка?

Я подпускаю первого на расстояние вытянутой руки и вгоняю нож в висок. Следующий зомби получает удар в макушку. Нож застревает в еще твердой кости. Вытаскивать неко-

гда, третьего мертвеца пинаю, а четвертому достается пуля из бесшумной «Беретты». И третьему тоже. Пока я танцую с мертвецами, Ник выходит на связь.

– Грейс, ты там? Мертвяки ушли.

– У меня тут от кавалеров отбою нет,— забираю свой нож из чужого черепа.

– Скажи им, что ты замужем.

– Действительно. И как я сама не догадалась?

Появляется зомби выше меня почти на две головы, поэтому мне приходится прострелить ему коленную чашечку. Когда он падает передо мной на колени, я всаживаю нож ему в висок.

– Прости. Сколько ни умоляй, мой муж против того, чтобы я знакоилась с кем попало. Ник, я иду.

Ричард увел толпу любителей плохой музыки уже довольно далеко. Других живых мертвецов пока не видно.

– Черт, тут цепь с замком.

– Ты очень наблюдательна, Шерлок.

– Ты опять хамил старушкам в супермаркете? И чем мне это открыть?

– Попробуй шпилькой.

От досады быю в дверь ногой.

– Я что, собиралась на бал, а по пути заскочила спасти ваши задницы? Откуда у меня шпилька? Где «хаммер»? В нем есть веревка? Я могла бы вырвать ворота.

– Обойди хранилище, потом обойди те два, что за ним.

Веревка в кузове. Ключи в зажигании.

– Никуда не уходите, я скоро.

Бегу к машине. Очень странно, что она на месте, если мою группу заперли люди. Размышлять над этим нет времени. Ключи на месте. Подогнав четырехдверный пикап к амбару, хватаю веревку и обматываю цепь, которая стягивает большие дверные ручки, другой конец цепляю к лебедке машины. Завожу двигатель, сдаю назад. Ручки со звоном оказываются на земле. Из хранилища вываливается моя группа. Радостно выдыхаю и выбегаю к ним.

Ник стискивает меня в медвежьих объятиях.

– Слава Богу, вы целы.

– Неплохая работа, напарник. Спасибо.

Я по очереди обнимаю всех ребят.

– Грейс, – говорит Нэвилл. – Трой держался молодцом.

Сдержанно улыбаюсь.

– Ладно. Мы попробуем поработать вместе еще разок.

Лицо парнишки озаряет улыбка, и вдруг сверху начинают сыпаться выстрелы. Я хватаю «Беретту», но Ник орет на меня:

– К черту пистолет, бегом в машину!

Бегущий передо мной Карл вдруг падает и по инерции кувыркается через голову. Я подбегаю к нему.

– Ранение в живот!

Ник и Трой без слов хватают товарища и укладывают на заднее сиденье. Нэвилл уже завел мотор. Я забираюсь в ку-

ЗОВ.

– Грейс, иди в кабину!

– Гони!

Чертыхнувшись, Ник занимает пассажирское место рядом с водителем. Трой остается с Карлом и зажимает ему рану. Машина срывается с места. Выстрелы решетят военный пикап, но броне все нипочем. Мы вылетаем на гравийку и оказываемся вне зоны досягаемости стрелков. От радости я вскакиваю и стучу по крыше.

– Мы ушли, ребята. Мы выбрались! Как Карл?

– Не очень! – визжит Трой.

– Мел починит его! Гони!

Едва успеваю подумать, что почти все уже позади, получаю тонкий, но крайне сильный удар в плечо. «Хаммер» как раз подпрыгивает на ухабе. От неожиданности, боли и неустойчивости я вываливаюсь за борт кузова и качусь по земле, глотая пыль.

Лежа под чистым полуденным небом, держусь за горящее плечо. Что это было? Резиновые пули?

– Нэвилл! – ору я, но он, конечно, меня не слышит. Перевернувшись на живот, перевожу дыхание. – Вот же черт. Незадача.

Стараюсь бороться с тем, что слезы боли и пот застилают глаза. Расплывчато вижу, как из травы поднимается огромная лохматая фигура. Стараюсь найти пистолет, но под руку попадает лишь нож. Я встаю на четвереньки и получаю

удар тяжелым ботинком в живот. Задохнувшись, снова падаю на землю. На руку, держащую нож, наступают и сильно давят. Я визжу от боли, невольно разжимаю кулак. Пинком меня переворачивают на спину.

Ком не то меха, не то лесной маскировки наклоняется ко мне. В нос врезается жуткий смрад мертвецов, в уши заползает хищное и кровожадно-довольное хихиканье. От ужаса забываю дышать.

– Кто ты? Что тебе нужно?

– Узнаешь, дорогуша.

У круглого силуэта из ниоткуда вырастает какая-то палка и опускается мне на голову. Сразу после удара меня поглощает тьма.

Вспышка.

В первый триместр беременности, когда Брюса не было дома, я не находила себе места. Изводилась переживаниями, устраивала жуткие истерики по любому поводу и плакала над его фото.

У меня начали выпадать волосы и появилась сыпь. Работать я не могла. Какой толк от психолога, который и себя-то в руки взять не может. А без работы я сходилась с ума еще больше.

Совершенно изнеможенная, в слезах я примчалась к маме и, уткнувшись в ее колени, рыдала добрых пару часов. Когда

же я выдохлась, мама погладила меня по голове, молча встала, приготовила чай с мятой, достала свежее испеченные ореховые кексы с кардамоном. От запаха выпечки и чая у меня снова побежали слезы. Эти ароматы бесповоротно пробуждали мысли о Брюсе.

– Пей чай и слушай меня.

То и дело всхлипывая и шмыгая носом, я принялась уминать мамины кексы.

– Тебе нужно успокоиться и взять себя в руки. От того, что ты так себя изводишь, никакой пользы. Брюс от этого не вернется быстрее, и это никак его не защитит. Ты наносишь вред себе и, самое главное – вашему ребенку. Малыш зависит от тебя, и ты обязана думать в первую очередь о нем.

Я застыла с надкусанным кексом в руке.

– Мам. Он нужен мне. Хочу, чтобы он был рядом. – Шепотом добавила, – я боюсь за него.

– Знаю, Грейс. Уж мне можешь не рассказывать, как силен страх за мужа-военного. Ты знала, на что идешь, когда выходила за него. Чего же ты ожидала?

Я ощутила укор совести. Мама ведь столько лет жила с этим.

– Как ты научилась одолевать страх?

– Никак. Я волнуюсь за твоего отца так же, как и в первый год нашей совместной жизни. Но вот что я усвоила. И чем раньше это усвоишь ты, тем лучше для тебя. Главное – не поддаваться пессимизму. Твоя вера в силу мужа, в его удачу

и профессионализм должна стократно превосходить страх, как бы он ни был силен. Это лучшее, что ты можешь сделать для Брюса, для себя и для ребенка.

Я долго переваривала этот разговор, анализировала мамыны слова и как психолог, и как ее дочь, и просто как женщина, которая обратилась к другой, более опытной женщине. Со всех сторон мама была права. С тех пор я собралась и больше не шла на поводу у плохих мыслей, а те в свою очередь стали лезть в голову все реже и реже.

Я встречала мужа со счастливой улыбкой, провожала с легкой грустью, но без тени сомнения в том, что скоро увижу его снова.

Брюс уехал на Ближний Восток буквально за неделю до планируемых родов. Перед отъездом он долго гладил мой большой живот и что-то так тихо говорил нашей будущей дочери, что даже я не слышала.

– Начинаю ревновать, – обиженно надула губы я.

– Мои девочки. Люблю вас.

Брюс положил мне руку на затылок и нежно поцеловал. Затем прижался своим лбом к моему.

– Мне так хотелось бы дождаться родов.

– И мне хотелось бы. Что ты ей сказал?

– Это наш с ней секрет. Позвони в штаб, когда она родится. Они сообщат мне и твоему отцу. И вот еще. Возьми это, – он протянул мне неподписанный конверт. – Прочти, когда она родится.

– Что это? – дрожащей рукой я приняла послание.

– Письмо для вас обеих.

Я заулыбалась.

– Знаете, сержант Митчелл, я кое-что поняла.

– Что же? – Он кокетливо поиграл бровями.

– Ты самый лучший мужчина во всем мире.

– Это похвала, в обмен на которую я отдал бы все свои награды и звания.

– Но она достается тебе совершенно бесплатно.

Мы рассмеялись. Муж сжал мои ладони.

– Грейси... Скажи, что любишь меня.

Он выглядел как-то непривычно взволнованным. Лишь потом я поняла, что он волновался обо мне, ребенке и родах. Но тогда я не на шутку встревожилась. Я замотала головой.

– Скажу, когда вернешься домой.

Аманда родилась через два дня. Отдыхая в палате, я открыла письмо.

«Грейси, ты настоящая молодец. Не знаю точно, но надеюсь, все прошло хорошо. Ты мое счастье, ты ведь знаешь это? Скажи нашей дочери, что я люблю ее и с нетерпением жду встречи. Давай назовем ее Аманда?»

Сбивчивые слова и неровный почерк говорили о том, что Брюс волновался, когда писал это. Читая строчки, полные любви, я разразилась слезами счастья.

Вернувшись домой через три месяца, Брюс первым делом взял малышку на руки и не отпускал почти целые сутки.

Он бродил с ней по дому, рассказывал, как познакомился со мной, как мы полюбили друг друга, как ждали ее появления. Мне с трудом удалось забрать дочку даже на кормление, и то он сидел рядом и держал ее за ручку, с восхищением глядя на меня. Маленькая Аманда без конца улыбалась папе и сладко спала в его объятиях.

Эти мгновения прочно высечены в моей памяти. Тот день однозначно один из самых счастливых в нашей семье. До встречи с Брюсом, а в особенности до рождения Аманды я и не подозревала, что способна любить так сильно, так бескорыстно, любить каждой клеточкой себя. Чувствовать себя абсолютным целым с другим человеком.

*Мамочка, вставай. Нужно проснуться прямо сейчас.
Вспышка.*

Мужчина неохотно разлепляет веки. С трудом поднявшись, садится на свалянном дырявом матрасе, что служит кроватью. Потирает затекшую спину, оглядывается вокруг. Почти все уже встали и занимаются своими делами. Этот школьный спортзал уже примерно три месяца служит им убежищем и домом.

Подходит девушка с короткими русыми волосами и темно-кариими глазами. Стефани, его жена. Он тепло улыбается ей в знак приветствия.

– Проснулся? Я принесла тебе завтрак.

Она протягивает миску с кашей и с улыбкой заглядывает ему в глаза.

– Ты устало выглядишь, опять плохо спал. Знаешь, одна девушка на раздаче сказала, что может помочь раздобыть чашку кофе. В обмен на что-то стоящее, конечно.

– Например?

Стефани пожимает плечами.

– Нужно придумать. Знаешь, Бен. Думаю, здесь не так уж плохо. Не совсем дом, конечно. Но как временное убежище на период кризиса – очень даже терпимо. Есть свет, душ, еда. И я рада, что мы в безопасности. Бен? Ты опять меня не слушаешь, – женщина обиженно надувает губы.

– Прости, что?

– Ничего.

– Стеф, – в его тоне искреннее раскаяние. – Я просто задумался, не злись.

– О чем?

– Ты права, здесь вполне приемлемо. Но заняться совсем нечем. Я думаю, поговорить с этими парнями, – он указывает взглядом на военных. – Может, для меня найдется работа?

Лицо жены мгновенно темнеет.

– Ты спятил? Хочешь рисковать жизнью?

– Необязательно. Хотя я не возражал бы и против вылазок. Все равно нельзя без конца сидеть на этом чертовом матрасе, – он хлопает по своей кровати. – Мне хочется знать, что я тоже принес какую-то пользу. Что я что-то сделал для

своей семьи. – Он переводит взгляд на Стефани, – для тебя.

Женщина от этих слов расплывается в улыбке.

– Ты просто чудо. Но лучшее, что ты можешь сделать – быть рядом со мной. И не забывай – ты всего лишь водитель. Не обязательно играть в супергероев.

Бен хмурится.

– Когда еще, как не сейчас. Может, это мой шанс убедить-ся, что я способен на нечто большее.

Стефани нервно кусает губы.

– Ты никогда не слушаешь меня. Все проблемы только из-за этого.

– Я просто поговорю с ними, идет? Может, они пошлют меня подальше.

Она вздыхает. Затем поднимает ладони в знак того, что сдается.

– Делай, как знаешь. Ты здесь мужчина.

Бен долго и внимательно всматривается в лицо жены.

– У тебя красивые глаза.

Она густо краснеет.

– Спасибо. Первый подобный комплимент от тебя.

– Хочешь сказать, я тебе такого никогда не говорил?

Девушка качает головой и опускает взгляд.

– Не-а. Пока еще ни разу.

– Значит, я был идиотом.

– Нет, дело в другом, – она вздыхает.

– В чем?

– Неважно. Мне пора возвращаться на кухню.

Целый день он слоняется по школе и изучает солдат. Конечно, им всем крупно повезло, что эти ребята оказались неподалеку. Насколько отважным нужно быть, чтобы в разгар конца света спасти не себя, а других? Чтобы суметь организовать лагерь, снабжать его всем необходимым и поддерживать порядок. Их действия четкие, никакой лишней суеты. Здесь они более расслаблены, но заметно преображаются, когда готовятся к вылазкам.

Вечером после душа он лежит на своем матрасе, прикрыв глаза рукой и стараясь не вслушиваться в гул разговоров. Бесконечный треп окружающих мешает сосредоточиться, ему нужна тишина.

Внезапно на грудь ложится рука.

– Эй, Бен, ты спишь?

Он открывает глаза и видит перед собой девушку. Он видел ее несколько раз, когда она разговаривала с его женой. Но имени не запомнил.

– В чем дело?

– Стефани осталась одна в душе и просила передать, что ей нужна твоя помощь.

Девушка многозначительно улыбается и не спешит убирать руку. Наоборот, ее пальцы приходят в движение и стараются прощупать грудные мышцы Бена, насколько это возможно.

– Ладно. Схожу, посмотрю.

Он пытается встать, но посланница прикладывает усилие и мешает. Мужчина вопросительно смотрит на нее.

– Знаешь, Бен... может, ты как-нибудь и мне смог бы помочь?

– Вряд ли. Извини, мне нужно идти.

Девушка громко цокает языком и разочарованно вздыхает. Наконец, она отпускает его и уходит на свое место, шипя под нос: «Везучая сучка, эта Стефани».

Бен направляется к душевым, на его губах играет улыбка. Он понимает, зачем жена позвала его. Да и эта девица... Что это с женщинами сегодня?

Он заходит в раздевалку, закрывает дверь на замок и стягивает футболку.

– Стеф, ты здесь?

– Да, помоги мне.

– В чем дело?

Он входит в общие душевые, помещение заволочено паром, от влажности дышать становится труднее.

– Где ты?

К его обнаженной спине прижимается мокрая женская грудь. Ладони закрывают ему глаза.

– Попался. Угадай кто?

– Пусть будет незнакомка.

– Фу, какой ты плохой. – Стефани разворачивает его к себе и с жадностью впивается в его губы. – Значит, хочешь незнакомку, а не жену?

– Кажется, сейчас это почти одно и то же, – усмехается он, позволяя ей расстегнуть его ремень и спустить джинсы. Ее руки шаловливо забираются ему между ног.

– Не говори так. Обними меня.

Бен заключает жену в объятия. Изучает ладонями ее худощавое тело.

– Поцелуй сюда, – командует Стефани и пальцем указывает на свою шею. Он исполняет. – Теперь сюда, – ее палец спускается ниже, ближе к груди, а губы Бена послушно следуют указаниям.

Через несколько минут Стефани тяжело дышит и тянет мужа назад наверх. Грубо целует его, прикусывая губу. Он вскрикивает.

– Черт, Стефани, полегче.

– Я думала, тебе нравится пожестче. – От страсти ей трудно говорить.

Он молчит, не зная, что ответить.

– Возьми меня, Бен. Мне это нужно.

Мужчина придерживает женские бедра и проникает в нее. Вместе со сладострастием в его мозг врзается ощущение отчужденности, неправильности. Но секс побеждает мысли, и он просто наслаждается возможностью свободно побыть в женских объятиях, сбросить напряжение. Дыхание утяжеляется, учащается. Стараясь двигаться ему навстречу, Стефани лишь сбивает его с ритма.

– Стеф, давай я сам. – Ему становится некомфортно.

Она не слушает, зато начинает громко стонать. Тонкие ногти неприятно царапают мужские плечи. Звук ее голоса отражается от кафельных стен и звоном режет по барабанным перепонкам.

– Тише, нас же услышат.

– Плевать.

Задышавшись, Стефани продолжает стонать и набирать громкость. В какой-то момент она больно кусает мужа за щеку. Не выдержав, Бен отталкивает жену. Он кипит от досады и непонимания.

– Да что с тобой? Какого черта здесь происходит?

В ее глазах недоумение.

– Но я всегда так...

– И мне это нравится?

Она таращится на него, в ее взгляде злость, страх и невысвобожденное желание.

– Слушай... – он устало трет лицо ладонями. – Я, пожалуй, пойду спать.

– Что? Эй!

Она кричит ему в спину, но он, надев штаны и схватив свою футболку, вылетает из раздевалки.

Вернувшись, ложится спать прямо в одежде. Смотрит в потолок.

Что это было? Почему жена вызвала в нем такое раздражение? Почему так себя вела? Это выглядело естественно для нее. Но совсем неестественно для него.

Мужчина приподнимает голову и несколько раз бьется затылком об подушку. Его не покидает ощущение какого-то подвоха. Но он не может понять, с чем это связано.

– Чертова амнезия. Когда же память вернется?

Мамочка, вставай. Нужно проснуться прямо сейчас.

Меня окатывают ледяной водой. Вскрикиваю от неожиданности и холода. На губах остается противный металлический привкус ржавчины.

Я сижу на влажной земле в каком-то сарае, руки туго стянуты веревкой над головой и привязаны к какой-то трубе, ноги обмотаны скотчем. На мне лишь майка и штаны. Ни обуви, ни куртки, ни, разумеется, оружия.

Вокруг стоят пятеро крупных мужиков. На всех джинсы и идиотские черные плащи в пол. Они гогочут, у одного из них, наиболее неприятного, в руках какое-то ржавое ведро. Отбросив его в сторону, он наклоняется и обдает меня дыханием не первой свежести. Почти коричневые зубы так и просят пинка армейским ботинком.

– С добрым утром, принцесса. Мы так рады, что вы почтили нас своим присутствием. Простите, что мы, ваши покорные слуги, не успели сшить бальных нарядов.

– Не страшно, – рычу я. – Я ненадолго. Только спалю вашу конуру и сразу в обратный путь.

Они заливаются искренним хохотом.

– Ну что вы. Мы так ждали вашего прибытия. Ты исполнила для нас прекрасный танец с мертвецами. Мы тоже готовили программу, но, к сожалению, сценка с пожиранием твоих дружков сорвалась. Но не страшно. Мы те еще выдумщики. Придумаем, как хорошо провести время.

С этими словами он всей шириной своего вонючего языка облизывает мою щеку. Едва сдержав рвотный позыв, плюю здоровяку в лицо. Он тяжело вздыхает и спокойно утирается рукавом.

– Ну и манеры. Придется преподать тебе пару уроков этикета.

Он встает и наотмашь бьет меня по лицу. Будь мы в любимом мультфильме Аманды, у меня над головой сейчас заплясали бы звезды.

– Что, детка? Без своих ребят ты не такая крутая?

– А ты без своих?

Он посмеивается.

– Открою тебе секрет. Ваша база давно представляет для нас большой интерес. И чуть позже мы обязательно займемся твоими солдатыками. Но дамы вперед. Мы, как настоящие джентльмены, предпочитаем блондинок.

– Мейсон, хватит трепаться. Давай просто трахнем эту суку, – выкрикивает один из них.

Я вскидываю испуганный взгляд. Ричард был прав – это чертов Мейсон.

Похититель устало закатывает глаза.

– Прости Боба, милашка. Он у нас дурачок. Боб, как ты ведешь себя в присутствии дамы? Что она о нас подумает? – Он снова поворачивается ко мне. – Впрочем, что же это я. Забыл представиться. Как ты догадалась, я Мейсон. Нам уже доводилось встречаться, хоть и не в таких... интимных условиях. Но не менее горячих, правда?

Его голос похож на лязг вилки по стеклу. Во мне нарастает страх, который я не в силах обуздать. Руки и ноги связаны так крепко, что пальцы немеют. Но, даже если бы каким-то чудом я смогла бы освободиться, то против пятерых отмороженных на всю голову бандитов у меня нет шансов. Я готова разреветься от беспомощности. Их намерения более чем ясны. И это пугает меня гораздо больше, чем пытки или убийство. Брюс знает, как болезненно я отношусь к теме сексуального насилия. Вряд ли может быть что-то более гадкое и унижительное для человека. Нарушение всех мыслимых и немыслимых личных границ. Если они только посмеют ко мне прикоснуться...

– Как тебя зовут, милая?

– Меня зовут «катись к дьяволу».

Губы неприятного собеседника расплываются в отвратительном самодовольном оскале.

– Па-арни, тут малышка с характером. Как мы любим. Что ж, приятно познакомиться. Всех поименно я тебе представлять не буду. Скоро ты с ними и так познакомишься очень и очень близко. Но мы хотим быть вежливыми. У нас к те-

бе... просьба. Задам один вопрос. Знаешь ли ты, какая потребность стоит на первом месте у настоящего мужчины?

– Странно, что ты знаешь.

Прихвостни позади Мейсона гадко улюлюкают.

– Я и мои парни истосковались по женской ласке. Не подумай, нам очень нравится новый мир, он полон чудес и возможностей. Вот только в нем совсем нет любви, – он театрально вздыхает.

– Что ты знаешь о любви, подонок, – презрительно выплевываю я, не сдержавшись. – Как смеешь ты своим поганым ртом даже произносить это слово.

– Знаю, милашка, и больше, чем ты думаешь. А что насчет моего поганого рта... На данный момент ты своим чистым красивым ротиком говоришь больше гадостей, чем мы, большие мальчишки. Я объясню наглядно, для чего природа подарила тебе такие дивные губки.

Он приближается вплотную и обнюхивает мои волосы. Затем удовлетворенно шепчет:

– Тебе страшно, девочка? Не бойся, мы тебя не обидим. Мы всего лишь хотим весело провести время.

Дергаю головой и бью лбом по мерзкой роже. Мне больно, особенно после удара палкой и пощечин, но этому гаду куда больнее. Взвыв, он хватается за нос и испепеляет меня ненавидящим взглядом. Когда убирает руку от лица, вижу, что она вся в крови.

– Эй, Боб? На какой ноге у нее была повязка?

– На правой.

«Вот же черт». Видимо, когда они снимали с меня обувь, увидели бандаж. Готовлюсь к тому, что сейчас будет очень неприятно.

Мейсон наступает на мой несчастный голеностоп и с силой давит. Я ору от сумасшедшей боли, взорвавшей ногу. У меня вышибает слезы, кровь кипит от злости.

– Чтоб ты сдох!

Он наступает снова, на этот раз с размаху, и я снова кричу. Наконец, он делает шаг в сторону и выжидающе смотрит на меня. Я всхлипываю, заставляю себя собраться.

– Око за око. Ты делаешь больно мне, я делаю больно тебе. Все по-честному, правильно? Поверь, мне очень не нравятся такие методы.

Тяжело дышу, стараясь не думать о том огне, который испепеляет едва зажившую лодыжку. Почему-то перед глазами встает Мел. Представляю, какой нагоняй она мне устроит, когда я вернусь. А Картер будет зудеть целую неделю.

Так, нужно собраться. Я должна придумать, как выбраться. Должна вернуться на базу, выслушать лекцию подружки, рассмешить Марию. Должна найти мужа и дочь. Я должна выпутаться ради них.

– Эй, Мейсон. Хочешь, расскажу тебе, кем ты был до апокалипсиса?

Он приседает на корточки и внимательно смотрит на меня.

– Попробуй.

– Ты был маменькиным сынком. Папаша вас бросил, когда тебе было сколько? Десять? И мамочка вцепилась в тебя, стараясь заменить тобой и сына, и мужа. Тебе нельзя было встречаться с девочками, потому что ни одна из них никогда не смогла бы полюбить тебя так, как мама. Все было нельзя, лишь погулять с парнями вечером в пятницу, да трахнуть какую-нибудь пьяную бабенку в туалете занюханного бара. Ты из тех, кто до ненависти любит свою мать, потому что у вас не хватает смелости начать собственную жизнь. Но тут – чудо. Мир перевернулся с ног на голову. Теперь для тебя и твоего больного, искалеченного сознания нет границ. Вот только нормальным женщинам ты по-прежнему на хрен не сдался. Но у тебя же теперь есть «сила», которой ты не боишься пользоваться, ведь некому тебя остановить и наказать. Ты по-прежнему слаб и жалок.—Плюю ему под ноги в знак презрения.

Его лицо искажается. Очевидно, я попала в десятку и задела его ранимую душонку. Но ему удастся сохранить видимость спокойствия.

– У-у-у, впечатляет. А ты, должно быть, дорогуший мозгоправ? Сколько ты стоила за час, детка? Кое в чем ты права. Ценности изменились. И психотерапевты теперь никому не нужны. Так что твоего исчезновения никто и не заметит. Зато ты можешь сменить сферу деятельности на более востребованную.

Он встает передо мной и начинает расстегивать ширинку. Откуда-то со дна желудка поднимается волна паники. Я должна что-то сделать прямо сейчас. «Боже, впервые в жизни согласна с папой. На черта я родилась девчонкой?»

– Только достань эту хрень из своих чертовых штанов. И я его тебе отгрызу.

Похоже, Мейсону надоело трепаться. Он снова наклоняется ко мне и почти ласково цедит:

– Тогда, может, стоит выбить тебе все зубы для начала?

Выдерживаю его взгляд. Он не должен видеть, как мне страшно. Насколько это возможно, подтягиваюсь на руках, резко увожу связанные ноги в сторону и валю бандита на землю. Одного из его дружков мне удастся пнуть пятками в грудь, но следующий наносит мне удар дубиной по ребрам. Задохнувшись, оседаю и пытаюсь поймать ртом воздух.

– Ну все. Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому. Поговорим, как взрослые.

Меня хватают за волосы, поднимают на ноги и роняют на колени. Отвязывают руки от трубы, затем дают сильного тычка, и я падаю на живот. Эти грязные, мерзкие звери начинают лапать мою спину и стаскивать штаны. Дрыгаюсь и отбиваюсь как могу, пока мою голову не прижимают к земле тяжелым сапогом.

– Нет! Нет!

Потеряв самообладание, ору снова и снова от ужаса, от понимания, что меня ждет. Успевает промелькнуть мысль,

что при первой же возможности придется покончить с собой. Я не смогу жить с этим.

Внезапно почва содрогается и прямо за воротами амбара раздается взрыв.

– Что за?.. Ты, ты и ты – за мной. Боб, следи за девкой.

Шмыгая носом, смотрю на двери, за которыми исчезает Мейсон со своими людьми. Должно быть, Ник вернулся за мной.

– Твоим друзьям крышка, Боб. Советую уносить зад, пока есть возможность.

– Закрой рот, сука.

– Как знаешь. Я предупреждала.

До нас доносятся звуки перестрелки. Но стволов как-то мало, словно в Мейсона стреляет всего один человек. Вдруг все затихает. Ни звука.

Истекает бесконечная минута, за ней другая.

– Мейсон? – окликает Боб, но тишина служит ему ответом. – Никуда не уходи, красавица, я сейчас вернусь.

– Здесь еще один! – ору я, за что получаю прикладом по спине.

Боб подходит к воротам, но, едва успевает сделать шаг наружу, как влетает назад в амбар. Следом появляется незнакомый мужчина в охотничьих штанах и черной майке. Это благодаря его бейсбольной бите Боб скоростно вернулся и, судя по фонтану крови, рассыпал повсюду свои зубы. Дружок Мейсона бросается с кулаками на моего спасителя,

но получает еще один удар битой и падает навзничь. Затем мужчина достает пистолет и обращается к лежащему:

– Помнишь меня?

Не дожидаясь ответа, расстреливает добрую половину обоймы ему в голову. Выходит из амбара. Снова раздаются выстрелы. Добивает недобитых. Не могу поверить, что спасена.

Вернувшись, герой оглядывается и направляется ко мне. Бросив любопытный взгляд на мое уязвимое положение и не самый презентабельный вид, присаживается передо мной. Я не дышу от страха. Он достает огромный охотничий нож с зазубринами и кровостоком и разрезает веревки на моих руках. Встает и идет к ногам. Еще раз глянув на мои полуспущенные штаны, наклоняется, чтобы их подтянуть. Наконец прихожу в себя. Подпрыгнув от его касания, поворачиваюсь к нему лицом и, ловким движением выхватив из его рук нож, направляю на него.

– Отвали!

Он разводит руками.

– Эй, спокойно. Я не с ними. – Голос у него ровный, бесстрастный, неторопливый, тяжелый как чугун, но приятный.

– Я сказала, отойди!

Он делает шаг назад.

– Ты пока успокойся, а я осмотрю тела и постараюсь найти твои вещи. Идет? – Он достает какой-то платок и смачивает его водой из фляжки. – Вытри лицо, ты вся в крови.

Смотрю, как затравленный зверек, и беру тряпку. На меня наваливается ужас пережитого и того, что пережить не пришлось. Слава Богу и этому незнакомцу. Разревевшись, как дитя, забиваюсь в угол. Мужчина тем временем как ни в чем ни бывало обыскивает карманы бандитов и забирает все ценное.

Продолжаю рыдать от страха и злости на этих уродов, на себя саму, и попутно стараюсь привести себя в порядок хоть немного.

Парень подходит ко мне со стопкой вещей и ботинками.

– Это твое?

Я киваю и утираю нос кулаком.

– Ты мародер?

Он чуть усмехается.

– Сейчас мы все мародеры.

Забираю вещи, первым делом накидываю футболку и куртку. Все это время он смотрит на меня, не отводя глаз. Кручу в руках бандаж, не особо понимая, как его надевать.

– Какая нога? – спокойно спрашивает он и забирает у меня повязку.

– Правая.

– Что с ней?

– Был вывих. Только зажило. Но Мейсон решил сплясать на моей ноге чечетку.

Незнакомец осторожно берет мою стопу в ладони и медленно поворачивает из стороны в сторону. Я втягиваю воз-

дух сквозь зубы и наблюдаю за мужчиной, пока он уверенными движениями фиксирует ногу.

– Пара дней покоя, и все будет в норме.

– Ты доктор?

– Нет.

– Спасибо тебе.

– Ерунда. Простейшая повязка.

– Спасибо, что спас меня.

Он едва заметно краснеет.

– Ерунда.

– Я Грейс.

– Очень рад за тебя. – Хлопнув ладонями по коленям, мужчина поднимается и шуточно отдает честь. – Счастливого оставаться. Постарайся больше не водиться с плохими ребятами.

Пока он надевает куртку и набрасывает на одно плечо лямку рюкзака, меня раздражает досада. Не будь я связана, сама раздала бы бандитам подзатыльников. Видя, как мой спаситель направляется к выходу, восклицаю:

– Эй, куда ты? – Не получив ответа, вскакиваю на ноги, но взвизгиваю от боли в лодыжке. – Ах ты ж черт, да сколько можно? Стой! Помоги мне.

Он замирает в проходе.

– Кажется, уже помог.

– Мне нужно добраться на базу. Отвези меня в Рок-Спрингс.

– На ковче-самолете? У меня нет транспорта.

– Как же ты здесь оказался?

– Шел за Мейсоном из Айовы. Выбирал удачный момент разобраться с ним и его отбросами. И вот, – он разводит руками. – Так что и тебе спасибо за помощь. Квиты.

– Что они сделали? Убили кого-то, кто был тебе дорог?

Он смотрит прямо перед собой.

– Какая тебе разница? – в голосе звенит раздражение. Первая эмоция с его стороны.

– Прошу, помоги мне добраться до базы. Или до города, там найду машину. Мне не дойти с такой ногой. Ты ведь спас меня не для того, чтобы бросить погибать по-другому?

Он молчит, легонько постукивая кулаком по дверному косяку. Я добавляю:

– Пожалуйста.

Мужчина вздыхает.

– Тайлер. Тайлер Хэттерс.

Улыбаюсь.

– Я Грейс Митчелл.

– Ладно. Но на ночь глядя я тебя не поволоку. Мне нужен обзор, в темноте ни черта не вижу. Если нарвемся на мертвецов, хочу быть уверен, что не придется работать за двоих. Заночуем здесь. Утром выдвигаемся, как только рассветет.

– Я могу за себя постоять.

Он чуть склоняет голову и недоверчиво приподнимает бровь. Я густо краснею.

– Неужели? Завтра утром и докажешь.

Он относит свою сумку в угол и кладет на стог сена. Берет за ногу Боба и тащит к выходу.

– Выброшу мусор. А ты пока закажи пиццу.

Он вытаскивает труп из амбара. Я прыскаю от смеха и потираю переносицу.

Тайлер возвращается минут через десять, закрывает двери нашего убежища и перевязывает ручки.

– Что насчет еды? – серьезно спрашивает он.

– Прости, я не планировала оставаться на ужин. Мой рюкзак на базе, а разгрузка с батончиками и водой осталась в машине.

– Где машина?

– Уехала на базу.

– Твои люди тебя бросили на растерзание этим животным, а ты собираешься туда вернуться?

– Хочешь позвать меня с собой?

Он презрительно фыркает и качает головой.

– Они, наверное, думают, что я погибла, иначе не бросили бы меня.

– Мне плевать, – равнодушно произносит он. – У Мейсона есть консервы. В основном фасоль. Будешь?

– Да.

Тайлер ножом вскрывает банки, одну передает мне. Едим в молчании. Я изредка поглядываю на него, а вот он ни разу не посмотрел в мою сторону. Почему-то это раздражает. Не

могу его раскусить. Он хочет казаться крутым? Или ему действительно просто плевать на все? Но если так, зачем спас меня? Зачем согласился помочь?

Неприятно, что с самого начала у него сложилось обо мне неправильное мнение. Он считает меня какой-то глупой девчонкой, которая не в состоянии защитить себя. Казалось бы, какое мне дело до того, что он думает. Но я не хочу быть такой. Я не была такой даже до этого всего. А сейчас и подавно.

Доев, он забрасывает банку в дальний угол и укладывается на сене, укрывшись курткой и повернувшись ко мне спиной.

– Ночью будет холодно, а стог всего один. Ложись рядом, так нам обоим будет теплее.

– Ага, как же, – с сарказмом ворчу я.

Он оглядывается через плечо.

– Вот это самооценка. Думаешь, все тебя хотят? Ты не в моем вкусе, Грейс. Так что ложись спокойно. Первое правило выживания в дикой природе – сохраняй тепло.

Качаю головой, посчитав, что такое лучше оставить без ответа. Ложусь рядом и насыпаю на себя немного сена. Он придвигается ближе ко мне. Поворачиваюсь на бок и прислоняюсь своей спиной к его спине. Снаружи почти совсем стемнело.

Думаю об этом Тайлере. Вроде бы ему можно верить, слишком уж он прямой. Он одновременно приятен мне и неприятен. Высокий, крепко сложенный, жилистый. Темные волосы неаккуратно коротко пострижены, на лбу топорщат-

ся непослушным клочком. Из-под насупленных густых бровей спокойно смотрят темно-серые глаза, ледяные, непроницаемые. Квадратная челюсть, широкие скулы – все олицетворяет железную волю.

Как же вовремя он появился. Судорожно вздыхая, пытаюсь переварить этот кошмарный, ужасно долгий, чудовищно насыщенный день. Нужно отдохнуть.

Впервые с начала конца света засыпаю рядом с мужчиной. Его тепло и ровное сопение заставляют невольно чувствовать себя в безопасности.

Последнее, о чем вспоминаю, погружаясь в сон – как Брюс и Аманда читают детскую книжку на качелях в нашем саду.

Глава 4

Вспышка.

Одна из наших самых крупных ссор состоялась как раз на фоне переезда в Рок-Спрингс. До этого мы несколько лет мы жили в Оклахоме, где и познакомились. Ни разу в жизни я не проводила столько времени на одном месте, поэтому тот дом мне очень понравился.

А тут внезапно Брюс вернулся домой с новостями о предстоящем переезде. Я молчала несколько часов, ходила по дому, осматривала комнаты, которые были полны тепла и уюта. *Нашего* тепла и уюта. Я очень старалась держать себя в руках, не показывать мужу своих истинных эмоций.

Вечером вышла в сад, и от тоски у меня защемило сердце. Брюс с Амандой качались на качелях, он читал ей какую-то книжку со сказками. В который раз я отметила про себя, как наша дочь похожа на своего отца.

– Ужин готов, – позвала я, но они меня не услышали. – Аманда. Пора ужинать.

– Ну, мам...

– Сейчас же.

– Мама на что-то злится? – спросила она у Брюса, когда я входила в дом.

– Мама просто расстроена, Мэнди.

За ужином они весело хихикали, а я угрюмо жевала салат,

глядя в тарелку. Я и сама не переношу, когда люди ведут себя вот так вместо того, чтобы просто обсудить свои переживания. Но говорить было слишком больно, я боялась ляпнуть что-нибудь лишнее и обидеть мужа.

– Папа, я посмотрю мультики?

– Нет, – отрезала я.

Брюс и Аманда переглянулись. Он улыбнулся дочери и ласково сказал:

– Можно, золотце.

Я прикусила язык, понимая, что развернуть спор в присутствии ребенка будет верхом глупости.

Аманда поцеловала папу в щеку и вприпрыжку убежала смотреть телевизор.

– Это непедагогично. Ты рушишь мой авторитет в ее глазах.

– Грейс, это всего лишь мультики.

– Сначала мультики, потом прогулы уроков. А потом? Татуировка на лице? – Я со звоном оттолкнула от себя тарелку.

– Ты вроде была не против татуировок. Мы же решили, что не будем ей запрещать подобного.

– Дело не в татуировке! – я злобно сверкнула на него глазами.

Он вздохнул и отодвинул тарелку.

– Давай поговорим? Что тебя так тревожит?

– Решил поиграть в психолога? – ядовито спросила я.

– В нашей семье один психолог и один военный. Я воюю,

ты разговариваешь. Сейчас мы просто немного поменялись ролями, – он тепло улыбнулся мне, стараясь растопить лед.

– Считаешь, что это смешно?

– Грейс, родная. Что тебя пугает?

– Мы так давно здесь. – Я подтянула колени к груди и уткнулась в них лбом.

– Я понимаю. Впервые в жизни ты привыкла к месту. Но у нас будет другой дом, не хуже этого.

– Но этот полон... нас.

– Дело в не доме. Дело в том, что мы будем все вместе. Когда мы поженились, ты сказала, что тебя это не пугает. Что со мной ты готова пройти через все это.

– Ты ведь уже отказывался от перевода несколько раз.

– Отказывался. Но теперь я уперся в потолок. Чтобы дальше продвинуться по карьерной лестнице, нужно сняться с места. Ты ведь понимаешь это. Та база в Рок-Спрингс – отличная возможность. Там вокруг горы, чистый воздух, Аманде понравится. Для нее это приключение.

– А для меня очередное испытание. Я росла так, Брюс. Это приключение первые два или три раза. А потом – это уже издевательство.

– Картер говорит, что мы там надолго. Чтобы привести базу в порядок, нужна уйма времени. И потом, когда начнется сам эксперимент, ее проверки на пригодность, мы будем там. Будем этим всем руководить. Это на несколько лет. Я смогу меньше ездить в командировки. Мы сможем больше

времени проводить вместе.

– Картер! – Я всплеснула руками. – Ты повсюду таскаешься за своим чертовым братом.

Лицо Брюса потемнело.

– Он единственный, кто остался у меня из родных.

– А я? А Аманда? Мы на втором месте?

Мне было больно это произносить. Но для Брюса еще больнее было это слышать.

– Ты сейчас не права, Грейс. Ты знаешь, как много вы для меня значите. Но Картер тоже моя семья.

Я задохнулась от возмущения.

– Только не он ждет тебя дома. Не он сходит с ума от твоих звонков, означающих, что я могу тебя больше не увидеть. Не он хранит этот дом и старается сохранять в нем мир и покой, в то время, как ты рискуешь собой на войне. Но зато именно он может спокойно прийти и все это разрушить! По первому его зову ты готов бросить все и ехать на край света.

– Он тоже поехал бы за мной на край света. А ведь это твоя обязанность.

– То есть, я не справляюсь со своими обязанностями жены?

– Я не это имею в виду.

– Не зря я обещала себе, что никогда не выйду за военного.

Последняя фраза хлестнула Брюса словно кнут. Он вздрогнул и нахмурился. Посмотрел мне в глаза. Молчал с

минуту, подбирая слова.

– Жалеешь о том, что нарушила свое обещание?

– Теперь и не знаю.

Брюс вскочил и стал нарезать круги по кухне. Он сцепил руки на затылке и шумно выдыхал. Я устала в пол, понимая, что не права. Но сказанного не вернуть, а мне хотелось, чтобы он понял, как это важно для меня.

– Ты жалеешь или нет?

– Брюс, я...

– Да или нет, Грейс? – его голос наполнился металлом, а светлые глаза стали походить на грозовое небо. Милые моему сердцу черты лица вдруг стали жесткими, и я поежилась, не узнав собственного мужа.

– Я не жалею, что вышла за тебя, Брюс. Но жалею, что вышла за военного.

– Но я военный! И я был им, когда мы познакомились, когда встречались, когда я делал тебе предложение. И когда ты говорила мне «да», и в день нашей свадьбы я был им. И все эти годы я военный. Так что это не ответ на вопрос. В нашу первую брачную ночь ты сказала, что со мной не боишься проходить через все это. Ты сказала, что доверяешь мне. Это больше не так?

Я молчала.

– Ответь мне!

Глядя мимо него в окно, я молчала.

Он вылетел на задний двор, хлопнув дверью. Тут же вер-

нулся и ткнул в мою сторону указательным пальцем. Надулся, чтобы что-то сказать, но так и не сказал. Опустил руку и тяжело вздохнул.

– Черт возьми, Грейс, ты невыносима!

Он снова выскочил из дома. Я встала и, утирая слезы, начала убирать со стола. Швырнув посуду в мойку, вцепилась руками в край столешницы и тихо заплакала. Я не переношу ссоры. Особенно с Брюсом. Мы и так проводили мало времени вместе, всегда было жаль тратить это драгоценное время на обиды и перепалки.

Вдруг мою ногу обняли маленькие ручки. Я быстро утерла слезы и повернулась к дочери. Но от детей ничего не укрыть.

– Мама, не плачь. Вы помиритесь.

Я присела на корточки и обняла Аманду, она гладила меня по голове.

– Конечно, помиримся. Но мне все равно грустно, что мы поссорились.

– Значит, нужно идти мириться прямо сейчас. Папа тоже грустит. А переезд – это не страшно, если мы будем все вместе.

Всхлипнув, я крепко обняла дочку, благодаря судьбу за то, что подарила мне ее.

– Ты права, Мэнди. Я поговорю с папой, хорошо?

Малышка уверенно кивнула и поцеловала меня в нос. Рассмеявшись сквозь слезы, я проводила ее взглядом и посмотрела на задний двор. Брюс стоял спиной к дому, скрестив

руки на груди, и курил. Мне стало стыдно. Он курил крайне редко, в основном, когда уезжал. Дома я видела его с сигаретой всего несколько раз.

Я бесшумно вышла из дома и обняла мужа со спины, обхватив руками его пояс. Он напрягся, но не вырвался. Лишь вздохнул.

– Грейс, это действительно отличный шанс. Другого такого не будет. Новое звание, новые возможности.

– Прости меня. Я действительно привязалась к этому дому, мы въехали сюда сразу после свадьбы. Здесь родилась Аманда. Но какая разница – где, если ты и она будете со мной.

Брюс повернулся ко мне и поцеловал, затем крепко сжал в объятиях.

– И ты меня прости. Просто для меня важна твоя поддержка.

– Я всегда тебя поддержу. Ты же знаешь.

Брюс уткнулся мне в плечо.

– А ты знаешь, что я люблю тебя.

– Знаю. – Я сделала небольшую паузу. – И я тебя люблю.

Встав на цыпочки, я обвила руками мужскую шею и с жаром поцеловала Брюса. Он с наслаждением отвечал на мои ласки. С трудом оторвавшись друг от друга, мы тяжело дышали и счастливо улыбались.

Взгляд мужа пробежал по окнам.

– Кажется, за нами ведется слежка.

Я обернулась и увидела, как дернулась шторка в детской, а маленькая тень шмыгнула вниз.

– Наша дочь мудрее нас. – Я прислонилась к мужу спиной, он обнял меня, для чего ему пришлось немного наклониться.

– Это в ней от тебя, – поддел меня Брюс, за что получил шуточный тычок локтем в бок, и рассмеялся.

– Ей там понравится?

– Думаю, да. Знаешь, что я придумал?

– Откуда же мне знать?

– Предлагаю отправить вещи вперед. Самим поехать на машине. Отвезти Аманду на ферму твоего отца, он ведь уже освоился там и хотел принять внучку в гостях. А в Вайоминг выдвинемся уже вдвоем. Как тебе? – Следующие слова он прошептал мне на ухо, – сможем задержаться в каком-нибудь мотеле. Или совершить незапланированную остановку на лесной опушке, где никого нет. Давненько мы не занимались этим в машине, тебе не кажется?

Я покраснела и от предвкушения такого путешествия прикусила губу. Моя рука скользнула назад и шлепнула мужа по крепкой ягодице.

– Ладно, сержант, уговорил.

Он с облегчением рассмеялся и поцеловал меня в висок.

Мамочка, открой глаза.

Вспышка.

Проснувшись одним из первых, Бен обнаруживает, что жены рядом уже нет. С момента их ссоры в душевых прошло уже несколько дней, но она все еще дуется и не желает выслушивать никакие объяснения. Это злит его.

Все утро он слоняется по зданию школы в поисках подходящей работы. Решив подышать свежим воздухом, поднимается на крышу. Там дежурит один из военных.

– Как дела? Сюда можно?

Солдат лениво переводит на него взгляд.

– Вроде спокойно. Трупки толпятся у ограждения, но сегодня их меньше, чем обычно.

Бен подходит к краю и смотрит вниз, туда, где несколько мертвецов бестолково тыкаются носом в сетку забора.

– Если их будет много, ограждение выдержит?

– Мы не будем проводить такой эксперимент, – ухмыляется собеседник. – С завтрашнего дня начнем отгонять их и выстраивать машины вокруг забора. Вроде как дополнительная линия обороны.

– Неплохая идея. Помощь нужна?

Военный качает головой.

– Нет.

– А вообще, может, вам нужна еще одна пара рук? Я тут от безделья с ума схожу. Чувствую себя бесполезным. Хотелось бы хоть как-то помочь. Может, нужны люди в отряд для вылазок в город?

Ответом служит смех.

– Ты, кажется, тот парень, что головой стукнулся.

Бен неоднозначно кивает.

– Прости, приятель. Но даже бывалых офицеров списывают со службы после травм головы. Потому что они непредсказуемы. Никто не возьмет на себя такой риск. Что говорить о гражданских. Тем более, ситуация у нас тут не совсем похожа на штатную.

– Понимаю. Но думаю, что смог бы...

– Это ты сейчас думаешь, что смог бы. Сидя здесь, в безопасности. А когда к тебе будут тянуть руки воскресшие мертвецы, даже никто из нас не возьмется давать гарантий. Бесспорно, ты здоровяк. Да и создаешь впечатление вполне адекватного. Но командование не пойдет на это. Так что попробуй поискать себе занятие внутри периметра.

Бен уязвлено кивает. Идиотская травма. Из-за нее одни проблемы.

– Ладно, спасибо.

– Без проблем? – Похоже, часовой и сам не рад, что приходится отшивать крепкого парня, который мог бы пригодиться.

– Конечно.

Бен возвращается в общую комнату. В дверях спортзала он замирает. Стефани сидит на своем матрасе и что-то разглядывает. Какое-то украшение? Раньше он его не видел. Она грустно качает головой и с яростью запихивает украшение в небольшую сумку, которую прячет под наволочку по-

душки. Сумка ему тоже незнакома. Неужели Стефани укра-
ла это? Почему ее так разозлила какая-то безделушка? При-
щурившись, он понимает, что должен выяснить, что жена
прячет.

Женщина нервно взъерошивает короткие волосы, озира-
ется и испуганно округляет глаза, заметив Бена. Он направ-
ляется к ней. Стефани пару раз быстро моргает и расплыва-
ется в радостной улыбке.

– Где ты был? Я волновалась.

– Да так, ходил осмотреться. – Он с любопытством глядит
в глаза жене. – Что, ты больше не злишься на меня?

– Давай не будем об этом, – отрезает она. – Сейчас точно
не лучшее время для ссор и обид. Согласен?

Он кивает.

– Военным моя помощь не нужна. Из-за... – он стучит
согнутым пальцем себе по лбу.

Стефани безразлично пожимает плечами.

– Это же к лучшему. Они теряют больше, чем ты.

– Но ты же знаешь, я просто хотел...

Она нетерпеливо перебивает:

– Ты спросил, тебе ответили. Уймись уже. Игры в героев
не для тебя, Бен. Но, думаю, они оценят твоё предложение.
Может, станут относиться к нам чуть лучше, чем к осталь-
ным.

– С чего бы? – он недоверчиво хмурится.

– Потому что ты подошел и предложил безвозмездную по-

мощь.

Бен фыркает.

– «Безвозмездную». Смеешься? Они нас спасли, прячут тут, кормят, защищают. Неужели существует вариант, при котором я мог потребовать какое-то вознаграждение? Ты серьезно?

Он высмеивает слова Стефани. Она надует губы.

– Мне надоели разговоры о военных. Надеюсь, теперь ты все выяснил, и мы перестанем это обсуждать.

Бен вздыхает.

– Все равно мне нужно какое-то дело.

– Твое дело – быть рядом со мной. – Она кладет ладонь на внутреннюю сторону бедра мужа. – Кстати, у меня для тебя сюрприз.

– Какой же?

Стефани достает из кармана теплой кофты что-то, завернутое в фольгу.

– Ты не поверишь. Я раздобыла шоколад.

– Как тебе удалось?

– Поменялась с девушкой на раздаче. Я подумала, что за чашку кофе цена высока. А шоколад мы можем съесть вдвоем.

– Поменялась? На что?

Бен смотрит на плитку с сомнением. Конечно, шоколад в таких условиях – это просто чудо, учитывая, что военные добывают только самое необходимое. Но что-то внутри ярост-

но противится этому сюрпризу.

Стефани отвечает неохотно.

– На кольцо.

– Что? Ты отдала обручальное кольцо за шоколад? – Лицо Бена вспыхивает от злости.

– Какое еще обручальное? Ты спятил? Серебряное, с лепестком.

Взгляд мужчины невольно падает на руки жены, скользит по ее пальцам.

– А где твое обручальное кольцо?

Она недоуменно опускает взгляд и шумно сглатывает.

– Я его потеряла. Когда это все только началось.

– Серебряное было здесь? – он касается указательного пальца на левой руке Стефани. Она кивает, поджав губы. – Тогда почему на этом пальце остался след от загара, а на безымянном – нет? Загорела ты явно не в этом спортзале.

– Что за глупости! Значит, потеряла незадолго до этого всего. Я не помню точно.

– Но это ведь не какая-то безделушка.

– Отвали, Бен. Лучше бы ты с таким рвением старался побыть со мной наедине. А ты только рассыпаешься в претензиях.

Он вздыхает и устало трет лоб. Она права, чего он так привязался к этому кольцу. В знак примирения берет небольшой кусочек шоколада и смотрит на жену, стараясь привлечь ее внимание. Стефани поднимает на него взгляд.

– Мне все еще можно шоколад? Или я наказан?

Она застенчиво улыбается.

– Я готова тебя убить, но ешь. Не зря же я его добывала.

Он без особого вдохновения отправляет в рот шоколадную плитку.

– Не хочу, чтобы ты злилась на меня.

– Я не злюсь. Просто переживаю. За тебя...и за нас. Вкусно? Бери еще.

«Невкусно», – думает Бен, но берет еще ломтик, чтобы не обижать жену.

– Это кольцо было важно для тебя? Давай придумаем, как выменять его назад?

Стефани отмахивается.

– Ерунда. Оно стоило сущие копейки на какой-то гаражной распродаже, но смахивало на драгоценность, поэтому я купила его. Хотелось, чтобы все думали, что это подарил мне любимый человек.

Бен чувствует укор совести, его даже бросает в пот. Почему он не баловал ее, когда была такая возможность? Почему ей самой приходилось создавать какую-то иллюзию для окружающих?

Ему нехорошо. Он оттягивает ворот футболки и утирает ладонью мокрый лоб. Пытается сосредоточиться на том, что говорит Стефани. Она что-то рассказывает о своих подругах. «Какая на хрен разница?» Он ловит ртом воздух, чувствуя, как дышать становится все труднее.

– Стеф...

– Я готова была в глотку ей вцепиться. Ну зачем говорить такое при всех?

– Стефани...

Бен падает на матрас и сжимает простыни.

– Бен? Ты в порядке? Боже, Бен. Кто-нибудь, помогите!

Он чувствует, как вздуваются вены на шее, как синееет лицо, как паника накрывает его, отрезанного от кислорода.

Его несут в медпункт. Врач о чем-то перекрикивается со Стефани. Она бьется в истерике. Кто-то из солдат держит ее, чтобы не мешала доктору.

В плечо вонзается игла. Еще через несколько мучительных секунд наступает облегчение. Сведенные мышцы расслабляются, он с упоением вдыхает воздух, из глаз бегут слезы.

– Спокойно, отдышись как следует. Старайся дышать ровно, не слишком глубоко, – наставляет док.

– Что... что это было?

– Анафилактический шок. Обычная аллергия. Понимаю, времена сейчас такие, что хочется всего, до чего нельзя свободно добраться. Но постарайся больше не баловаться с тем, от чего ты можешь погибнуть.

– Аллергия? На что? – Он чувствует себя полным идиотом.

– На шоколад, разумеется.

Бен переводит жесткий взгляд на Стефани. Она бежит

глазами из угла в угол, будто готова пуститься в бегство в любой момент.

– У меня аллергия, а ты принесла шоколад? Ты что, не знала этого?

На следующее утро меня будит до боли знакомый, почти позабытый аромат. Резко сев, я едва не падаю с небольшого стога сена, что прошлой ночью служил кроватью.

Тайлер сидит на корточках перед импровизированным костром, который развел в каком-то большом железном корыте. В руках у мужчины ковшик, в котором варится... не верю своим глазам.

– Это что, кофе???

Он поднимает на меня глаза. На долю секунды мне показалось, что в них сверкнула самодовольная хитрость.

– Ну да. Хочешь?

Я соскальзываю на землю и потягиваюсь. Ковыляю к нему.

– Спрашиваешь! Я не пила кофе уже несколько месяцев. Где ты его достал?

– В Роулинсе целый склад.

– Где?

– К западу отсюда. Миль сто двадцать – сто тридцать.

– Надо бы туда смотаться. Дорога сильно забита?

– На мотоцикле проехать можно. На машине придется вы-

пендриваться по обочинам, и то не везде. Зато там много добра. Город небольшой, народу мало, но припасов на целую страну.

– А ты взял только кофе?

Он протягивает походную кружку и смотрит мне в глаза.

– Я шел туда не за покупками, мне нужно было быть налегке. Прихватил кое-что на ближайшее время.

Я долго держу кружку в ладонях, наслаждаясь горьковатым запахом. Меня накрывают воспоминания о том, как Брюс варил кофе каждое утро, когда был дома. А потом приносил его в нашу спальню. От смеси ароматов бодрящего напитка и моего чудесного мужа кружилась голова. Я хотела купаться в этих запахах вечно.

Вздохнув, отпиваю настоящий дар богов и издаю звук, похожий то ли на мычание, то ли на стон.

– Нравится?

– На самом деле, – морщусь я, – редкостная гадость. Но, учитывая обстоятельства, о лучшем и мечтать нельзя. Спасибо.

Он усмехается и делает глоток из своей кружки.

– Я не разбираюсь в кофе. Обычно этим занималась моя жена. Она отличала арабику от... – он хмурится, пытаясь вспомнить слово. – В общем, от всего остального. Была настоящей фанаткой. Мне никогда не доверяла такое.

Тайлер улыбается в пустоту и делает еще один глоток. Я внимательно слушаю, стараясь не напоминать о своем при-

сутствии, чтобы не спугнуть эту внезапную откровенность. Сегодня он гораздо общительнее, вдруг рассказывает о своей жене.

— Однажды я захотел ее проверить. Действительно ли она профи или просто прикидывается. Пересыпал кофе из всех ее банок и пакетов, — он машет руками, а я широко улыбаюсь его рассказу. — Перепутал все сорта, обжарки и прочую ерунду. Когда она зашла на кухню и открыла банку, сразу заметила подвох. По цвету или запаху, не знаю. А когда поняла, что там полный кавардак, то чуть не убила меня, был такой жуткий скандал. А я хохотал, как идиот. Мне казалось смешным — то, как она сердилась на меня.

Внезапно Тайлер начинает смеяться, заставив меня удивленно таращиться на него. Вот уж чего я точно не ожидала. Это не какое-то сумасшествие. Это искренний смех, вызванный теплыми воспоминаниями.

Видимо, он сам пугается своего поведения и резко замолкает. Снова хмурится. Не глядя на меня, опустошает свою кружку и говорит:

— Проверю, как там, снаружи. И выдвигаемся.

Голос мужчины буквально скрипит, и мне становится дико жаль его. Он был счастлив со своей женой. А теперь они или потеряны по стране, или ее вовсе больше нет. Может, поэтому он и преследовал Мейсона? Чтобы отомстить за жену? Тайлер снова замкнулся, и пока я не решусь задавать вопросы. Возможно, со временем он сам захочет рассказать.

Мысли возвращаются к Брюсу и Аманде.

– Вокруг чисто. Твои люди увели мертвецов далеко. Возможно, они заполонили улицы. Мы можем попасть на твою базу не через город?

– Да, но это будет раза в три дольше. Обход не близкий. Со здоровой ногой я дошла бы без проблем. Но это... – показываю на свою лодыжку. – Нужна машина.

– Из-за твоей ноги я и спрашиваю. Тебе не уйти от толпы.

– Но ты же будешь со мной.

– И с чего ты взяла, что я намерен рисковать своей жизнью ради тебя?

– Вчера ведь рисковал.

– Я оказался здесь не из-за тебя. Я шел за Мейсоном. Не за тобой. Тебе просто повезло. Уясни это, пожалуйста.

Он снова смотрит мимо меня. Пожимаю плечами и спокойно отвечаю:

– Хорошо. Уяснила.

– Чудно, – говорит он с поддельным восторгом. – Итак, сколько до города?

– Чуть меньше двадцати миль.

– Значит, мы будем идти... – Тайлер смотрит на мою ногу и шепотом совершает подсчеты. – Около восьми часов.

– У тебя были какие-то планы?

– Да. Думал забрать форму из химчистки, а вечером заскочить к ребятам в бар.

С пониманием киваю.

– Тогда нужно идти, чтобы не выбиваться из твоего плотного графика.

Он надевает рюкзак и выходит наружу. Я хромаю следом.

– Может, вызовем такси?

– Вряд ли здесь ловит сеть.

Через десять минут я уже порядком устаю, потому что перемещаться без дополнительной опоры, стараясь беречь поврежденную ногу – развлечение не из легких.

Остановившись, пытаюсь отдышаться. Тайлер идет в своем темпе, не оборачиваясь и не замечая, что спутник отстал.

– Тайлер! Подожди.

Он замирает на месте, но смотрит перед собой.

«Что ж ты такой странный?» – сердито думаю я.

– Я не могу идти.

Он оборачивается.

– И?

Вопросительно смотрю на него.

– И что ты от меня хочешь, Грейс?

Я не нахожусь с ответом.

– Просто дай мне минуту отдохнуть.

– У нас впереди долгие восемь часов пути. Это при скорости чуть медленнее средней. Если ты будешь отдыхать каждые десять минут, то до города мы доберемся послезавтра.

– Ты всегда такой зануда?

– Нет, только когда принцессы вроде тебя начинают распадаться на розовые блестки.

– Извини, что?

– Не знаю, как ты здесь оказалась. Но если ты всегда только и делаешь, что ноешь, то я понимаю, почему твои так называемые друзья бросили тебя здесь.

– Катись к черту, понял? Что ты знаешь обо мне? Делаешь выводы на основании того, что я не могу идти с вывихнутой лодыжкой? Давай вывихнем сустав и тебе, продемонстрируешь, как быстро могут передвигаться сверхлюди!

– Знаешь, Грейс. – Он подходит и смотрит мне прямо в глаза. – Я делаю выводы на основании того, что вчера ты лежала голой задницей кверху и молила о помощи. Я тебе помог. Потом ты просила проводить тебя до базы, и я это делаю. Теперь же ты жалуешься на свою чертову ногу, а я должен угадать, какую еще помощь оказать тебе?

Его тяжелый взгляд сверлит дырку в моем мозгу. Чувствую, как пылает мое лицо от обиды и злости.

– Я могла бы объяснить, как очутилась здесь и почему. Могла бы привести сотню доводов в пользу того, что у тебя сложилось неверное впечатление обо мне. Но я не намерена перед тобой распыляться. Если ты считаешь, что я в долгу перед тобой, то назови цену и проваливай. Я лучше поползу в сторону дома, чем буду всю дорогу слушать твой надменный бред. Ты действительно мне очень помог. И я тебе благодарна. Но не хочу продолжать наше знакомство в таком тоне.

Он чуть склоняет голову набок, в его взгляде загорается

любопытство.

– Так я свободен?

– Как ветер.

– Ты гордая, значит?

– Всего доброго, Тайлер Хэттерс. Надеюсь, что больше никогда тебя не увижу.

Сделав шаг в сторону, обхожу этого сукиного сына и устремляюсь вперед. Стараюсь идти как можно быстрее, проклиная ногу, Мейсона, Тайлера, мертвецов и почему-то Картера заодно. На топливе из злости мне удастся продержаться добрых полчаса, но нога воет от боли так, что того и гляди распугает птиц. Заметив на обочине длинную палку, поднимаю ее, чтобы использовать как посох.

Внезапно понимаю, что за мной кто-то идет. Обернувшись, вижу Тайлера. На его спокойном лице чуть выделяется легкая ухмылка.

– Какого черта тебе нужно?

– От тебя? Ничего. Просто иду. Мне в ту же сторону, если ты не возражаешь.

– Плевать я хотела.

– Знаешь, мне кажется, что твоя палка...

– А мне кажется, что ты ушел, и тебя здесь нет.

С опорой идти значительно легче, я набираю скорость. Если так и пойдет, то я вернусь на базу еще до заката.

– Знаешь, что мне интересно?

– Нет. И знать не хочу.

– Мне интересно...

– Я тебя не слышу-у, – нараспев кричу я и ускоряю шаг.

Через минуту такого спринта палка не выдерживает и ломается, а я, потеряв равновесие, падаю на четвереньки.

– Черт!

Сидя на коленях, рассматриваю ободранные ладони. В голове звучит голос мужа: «У тебя такие нежные руки». Видел бы ты их сейчас, Брюс. Вообразив, какое жалкое зрелище представляю, начинаю плакать. Тихонько, но так горько, что от этой жалости к себе становится тошно.

– Эй, ты в порядке?

Подбежав, Тайлер скидывает рюкзак и опускается передо мной на колени. Его голос окрашивается тревогой.

– Отвали! – отталкиваю его протянутые руки.

– Все, достаточно, я понял, ты очень крутая. Давай помогу тебе встать, и пойдем в город. Хватит страдать ерундой.

– Прекрати разговаривать со мной, как с маленькой.

– Хорошо. Не буду. Идем.

– Мне не нужна твоя помощь. Катись.

– Конечно, не нужна.

Он снова протягивает руки, на этот раз я их не отталкиваю. Видя, что я не шарахаюсь от него, Тайлер вдруг крепко обнимает меня, прижав мою голову к своему плечу. От удивления я даже не в силах возражать.

Он отстраненно шепчет:

– Нет людей сильных настолько, чтобы справиться со всем

Этим.

Его объятие не похоже на братское объятие Картера или Ника. Это знак поддержки и присутствия. Знак заботы и беспокойства, желания защитить. Неожиданно для самой себя я расслабляюсь в его руках и даю волю слезам. Мне очень уютно, чувствую себя в безопасности. Подобное я испытывала лишь с Брюсом, но это было так давно, что я уже и позабыла, каково это, не взваливать все на свои плечи, а довериться мужчине. Все эти мысли настолько удивительны, неуместны и странны, что, вслушиваясь в них, я забываю о слезах.

Я не спешу вырваться из его рук, а он не спешит меня отпускать. Мы словно ищем друг в друге что-то важное, что потеряли и никак не можем найти.

– Тебе лучше? – наконец спрашивает он. Робко киваю. – Можем идти? Впереди долгий путь.

– Да, идем.

Он перекидывает мою руку через свое плечо и обхватывает меня за талию. Принимаю эту поддержку. Мы оба перестали выпендриваться друг перед другом, и пару часов идем молча, сохраняя вполне приемлемый темп. Я в сотый раз думаю о странностях Тайлера.

– Можно вопрос? – он вдруг подает голос.

– Валяй.

– Почему твои люди еще не вернулись за тобой, если они тебя не бросали?

– Наверное, думают, что меня сожрали. Или пристрелили.

– А как насчет «вернуться и проверить»? Убедиться. Похоронить тебя по-человечески.

Я останавливаюсь.

– Чего ты добиваешься?

– Просто озвучиваю свои мысли.

– Ник не бросил бы меня, не будь уверен в том, что меня нет в живых. Одного из наших ранили, у них не было времени на сомнения. К тому же, на базе правило – мы не выходим ночью.

– А ты вернулась бы?

Молчу. «Конечно, вернулась бы». Но зачем Тайлеру эта информация?

– Мы много говорим обо мне. Что насчет тебя?

– Я никто. Ниоткуда. У меня ничего нет. И мне ничего не нужно.

– Так не бывает.

– Оглянись, Грейс. Это новый мир. И он такой. Таких, как я, теперь бóльшая часть.

– А что было до того, как случился весь этот сумасшедший дом?

Он запрокидывает голову и хохочет. Смотрю на него с опаской.

– Чертов псих, – бормочу я себе под нос.

Тайлер смеется громче.

– Черт, это забавно. Видишь ли, я работал в психушке.

Мои брови взлетают вверх.

– Вот как. Значит, ты все же врач?

– Нет. Санитар.

– Это многое объясняет. Правда, что, когда работаешь с душевнобольными, перенимаешь часть их безумия на себя?

– Кто тебе такое сказал?

– Знакомый психиатр. Еще давно, когда я училась на психолога.

– Думаю, так и есть. Я помню каждого своего пациента за пять лет, что провел в клинике.

– Были такие, кому там не место?

– Половина, не меньше. Знаешь, когда все это началось, мы сначала думали, что у пациентов просто массовое помешательство.

– А что случилось с твоей женой?

– Не хочу об этом говорить.

Ну вот, он снова замыкается и угрюмо смотрит вперед.

– Можешь задать мне вопрос. Будем спрашивать по очереди.

– Мне о тебе ничего не интересно.

Издаю громкий смешок.

– Какая ложь. Хоть бы попытался ее завуалировать.

Тень улыбки мимолетно пробегает по его лицу и снова исчезает.

– Ладно. Кто такая Аманда? Твоя дочь?

Я встаю, как вкопанная, меня охватывает страх.

– Откуда ты знаешь о ней?

– Ты болтаешь во сне. Не знала?

– Подозревала, – бурчу я.

– Ты несколько раз за ночь звала ее во сне.

– Да, это моя дочь. Ей шесть.

– Она в порядке?

– Думаю, да. Надеюсь. Она на ферме моего отца, в Алабаме. Мы с мужем отвезли ее туда незадолго, как все это началось. Скорее всего, они в безопасности. Но мне хотелось бы знать наверняка.

– А что твой муж? Он на этой базе? Ник?

– Нет. Мы разделились в самом начале. Он военный, их вызвали на подмогу полиции, а его брат увез меня сюда. С тех пор я его не видела, и не знаю, где он, и что с ним.

– Ему известно, где ты?

– Думаю, да.

Тайлер не рискует задавать следующий вопрос. Но я и так знаю, что напрашивается само собой. Если Брюс цел и невредим, почему он до сих пор не нашел нас? Наконец, мой спутник благоразумно меняет тему.

– Ладно, твоя очередь.

– Я уже задала свой вопрос.

– Забудь. Я не буду говорить об этом.

– Как знаешь.

Он напряженно молчит. Я буквально чувствую, как его переполняет желание высказать это, поделиться своей болью. Но он не привык к этому. Ему важно оставаться ров-

ным, чтобы сохранить спокойствие. Приоткрыв шлюз, он вызовет прорыв плотины. Через полчаса молчаливого пути он вдруг останавливается и, сбросив мою руку со своей шеи, делает несколько резких шагов вперед. Я едва не падаю, но мне удается удержаться на ногах.

– Эй!

Вопросительно таращусь на Тайлера, но он, обернувшись, смотрит сквозь меня. В его глазах блестят слезы.

– Мы с Эмили первый месяц этого кошмара провели в клинике, где я работал. Мы с персоналом быстро разобрались, что зараза распространяется через укусы, и изолировали зараженных. Неделю я не появлялся дома, торчал с пациентами, много врачей пострадало. Но я без конца звонил ей, чтобы убедиться, что все в порядке. Когда она перестала отвечать на звонки, бросил все и примчался домой. Она сказала, что кто-то пытался ворваться в дом, здоровые люди, и телефон разбился. Мы собрали все необходимое и переехали в клинику. Там было все, что нужно. Высокий забор, решетки на окнах, запас еды. Потом, когда стало тише, мы решили уйти за город, найти дом с забитым погребом и отсиживаться там. В городе мертвецов значительно больше, дураку ясно. И мы нашли дом. Прямо такой, как и представляли. Обосновались там, – он спотыкается, и грубо утирает глаза от первых слез. Словно в наказание, словно он не имеет права на скорбь. – Я не заметил, что дом уже был занят. Ночью Мейсон и его люди вернулись и обнаружили нас. Это

был для них роскошный подарок. Их тогда было больше, чем сейчас. Нас схватили. Меня долго били на глазах у жены, в ушах до сих пор стоят ее крики. Они мне снятся. Решив, что я умер, эти уроды бросили меня в подвал. Не знаю, сколько времени я там провел. Когда пришел в себя, выполз из подвала, дом был пуст. Ни Эмили, ни Мейсона, никого. Я попытался пойти за ними, но дом окружили мертвецы, а я едва стоял на ногах. Дал себе пару дней отвалиться, чтобы собраться силами. Каким-то чудом вышел на их след. Неделю я не останавливался, шел за ними. Наконец, понял, что настигаю. Мне удалось раздобыть кое-какое оружие. Я был настроен убить их всех, но главное – освободить жену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.